

РАЗОБЛА- -ЧЕНИЕ

*Истинное искусство — не создание,
а расчленение вещей.*

Способ добраться до самой сути.

ДЖЕННИФЕР МАКМАХОН

NEW YORK TIMES BESTSELLING AUTHOR

Дженнифер Макмахон

Разоблачение

Серия «Саспенс нового поколения»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35511751
Разоблачение: Эксмо; Москва; 2018
ISBN 978-5-04-094903-8

Аннотация

Харизматичная, сексуальная студентка Сюзи подчиняет своей воле нескольких приятелей – Генри, Тесс, Валери и Спенсера. Вместе они готовят опасные, едва ли не преступные акции под громкими лозунгами: «Разоблачение – это свобода» и «Чтобы понять природу вещи, нужно разобрать ее на части». Однако у молодых людей устанавливаются странные отношения, и это грозит обернуться настоящей катастрофой.

Десять лет спустя Генри и Тесс женаты. Они живут в отдаленной сельской местности, где Тесс пишет картины, а Генри переживает затяжной творческий кризис. Дочь Эмма – единственное, что удерживает их вместе. Но вскоре одно неосторожное письмо перевернет весь их хрупкий мир и заставит заново пережить события сладкого и страшного лета, что выпало на их долю... аккурат десять лет назад.

Содержание

Часть 1. Для того чтобы понять природу вещи, ее нужно разобрать на части	22
Глава 1	22
Глава 2	42
Глава 3	57
Глава 4	65
Глава 5	72
Глава 6	75
Глава 7	84
Часть 2. Мы боремся с технологией, иерархией, законами и правилами и со всеми формами правления	96
Глава 8	96
Глава 9	101
Глава 10	108
Глава 11	117
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Дженнифер Макмахон

Разоблачение

Jennifer McMahon
DISMANTLED

© Савельев К., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Майклу, который умеет разбирать разные вещи

– Наши дни –

– Разоблачение означает свободу.

Сьюзи шептала слова ему на ухо; каждый слог дышал жаром и извращенностью. Она сияла и лучилась, – ей по-прежнему двадцать один год, – и поэтому она пылала лютой потребностью изнасиловать весь мир.

Мертвые не стареют.

Он завязал узел неторопливыми, уверенными движения-

ми, потом забрался на стул и перебросил веревку через одну из потолочных балок на кухне. Старых, вручную вытесанных балок, которые строитель привез с хозяйственного склада. Они напоминали ему о Вермонте... об избушке возле озера.

Он мысленно вернулся на десять лет назад и увидел Сюзи, выходящую по тропе на поляну с удочкой в одной руке и связкой рыбы в другой: окунь, солнечник, форель. Рыбины блестели, как драгоценные камни, нанизанные на плетеный нейлоновый шнур, искусно пропущенный через рты и плавники.

Сюзи двигалась плавной, танцующей походкой; длинная шелковая блуза колыхалась вокруг нее. Казалось, будто ветер несет ее, поддерживая и покачивая, как воздушный змей.

Сюзи подмигнула ему.

Он любил ее.

Он ненавидел ее.

Он не хотел тогда быть там, но и не видел способа уйти оттуда. Когда попадаешь в орбиту Сюзи, то уже невозможно оторваться от нее.

Остальные собирались вокруг, когда она положила рыбу на стол, чтобы почистить ее. Она сняла форель с нейлонового шнура, выложила на расстеленную газету и ножом разрежала ей брюхо от жабр до клоаки. Рыба раскрыла рот, словно звала на помощь. Сюзи улыбнулась, показывая кривые зубы, и аккуратно запустила пальцы внутрь, расширяя разрез. Чешуя натянулась, когда изнутри донесся влажный, чавкаю-

щий звук.

– Для того чтобы понять природу вещи, ее нужно разоб-
брать на части, – сказала Сюзи и вытащила липкий комок
внутренностей, радужно переливающийся на солнце.

– Ты на самом деле никогда не понимал этого, пупсик? –
услышал он вновь ее шепот в своем ухе.

– Нет, – ответил мужчина, набрасывая петлю на шею и до-
ставая из кармана открытку, чтобы последний раз взглянуть
на нее. – Но теперь понимаю.

Он сделал шаг со стула.

Открытка выскользнула из его пальцев и медленно упала
на пол, переворачиваясь на лету, – лось, слова, лось, слова, –
пока не приземлилась, и он последний раз увидел тщательно
выведенные печатные буквы, прежде чем потерять сознание:

РАЗОБЛАЧЕНИЕ = СВОБОДА

**ЗДЕСЬ БЫЛИ СЕРДОБОЛЬНЫЕ
РАЗОБЛАЧИТЕЛИ**

– Девять лет назад –

Когда у Тесс отошли воды, она смотрела на давно забы-
тый аквариум, устремив взгляд на тела лягушек, паривших

как потерянные астронавты в раздутых скафандрах, – нечто, явно не от мира сего. Они были бледными и рыхлыми, потому что замерзали и оттаивали вместе с жестокими циклами зимы и лета. Тесс казалось, будто они застряли в чистилище, ожидая спасения, когда они восстали бы под ангельское кваканье из крошечной галактики застойных вод и воззвали бы к ней глубокими, гневными лягушачьими голосами: *Как ты могла оставить нас здесь? Как ты могла забыть?*

И они воняли. Боже, как они воняли! От них несло жестоким уединением, ужасной несправедливостью.

Было первое мая, и Тесс вместе с Генри пешком добрались до хижины, чтобы «оглядеться вокруг». Впрочем, никто из них не смог бы ответить, что они ожидали увидеть. И даже если бы они дали название тому, что надеялись найти, то не осмелились бы произнести вслух.

Тесс оставалась всего лишь неделя до предполагаемой даты родов, и поход был ее инициативой. Она считала, что они должны последний раз посетить хижину, где был зачат их ребенок и где прошла такая важная часть их жизни. Дом вместе с его содержимым стоял заброшенным уже почти восемь месяцев, – с той ночи, когда умерла Сьюзи, – когда они ушли, ничего не взяв с собой, кроме одежды. Лето, проведенное здесь Сердобольными Разоблачителями, осталось замурованным в четырех стенах.

Дом был охотничьей хижинкой, построенной в конце 1960-х годов, куда можно было добраться только по старой лесо-

возной дороге, большую часть года непроходимой для автомобилей. Генри и Тесс выбрали пеший поход, так как дорога была еще топкой и грязной после таяния снега и весенних дождей. Сама хижина находилась на поляне у вершины крутого холма: простая одноэтажная коробка размером двадцать на тридцать футов с коньковой крышей, под которой хватало места для мансардной спальни наверху. Домик был обшит клееной фанерой, некогда выкрашенной в красный цвет, но с годами выцветшей и покоробившейся, местами погрызенной дикобразами, имеющими слабость к дереву, клею и человеческим трудам. Крыша была покрыта проржавевшей листовой жестию, усыпанной сосновыми иголками и кленовыми листьями, образовавшими плотный компост, из которого выбивались кленовые побеги, лишенные возможности для полноценного роста.

Они вышли на поляну, тяжело дыша от напряжения; их обувь покрылась коркой грязи, мошка сердитым облаком ройлась над ними. Несколько раз по пути Генри предлагал повернуть назад. Он беспокоился за Тесс, которой, с ее большим животом, было трудно идти даже по ровной местности, уже не говоря о подъеме в гору. Конечно, это было нехорошо для нее и ребенка. Но Тесс была намерена придерживаться плана и добраться до вершины.

Справа от поляны начиналась тропа, ведущая к воде. Озеро вместе с его окрестностями было охраняемым водосборным бассейном с угрожающими табличками «Нарушители

будут оштрафованы», приколоченными к деревьям примерно через каждые тридцать футов. Озеро, обозначенное на картах всего лишь как «озеро № 10», было недоступным с главной дороги, и их хижина была единственной, стоявшей неподалеку от берега. Примерно через пятьдесят футов от подъезда к домику было ответвление, выводившее на маленький пляж, но из-за кустов и сорняков дорога стала почти неразличимой. В любом случае, туда можно было попасть либо пешком, либо на полноприводном автомобиле. Они даже не пытались подъехать на фургончике Генри, уверенные в том, что потеряют выхлопную трубу или пробьют бензобак. Они провели там целое лето и не увидели ни одного человека рядом с озером.

Перед хижинкой валялись два мусорных ведра, содержимое которых рассыпалось широким веером: ржавые консервные банки, бутылки из-под вина, изорванные пластиковые коробки. Генри поднял растерзанную банку сиропа «Хершис».

– Медведи, – сказал он.

Тесс кивнула и немного поежилась, изучая опушку леса на краю поляны. Генри бросил изуродованную банку и прикоснулся к плечу жены, как ему казалось, ободряющим жестом. Не ожидавшая этого, она удивленно вздрогнула, как будто его рука была толстой бурой лапой с острыми как бритва когтями.

– Извини, – пробормотал мужчина, уже понимая, что был прав с самого начала: им не следовало приходить сюда.

Над грубой тесаной дверью (которую Генри обнаружил открытой, как они оставили ее в конце августа) виднелась надпись: «Здесь были Сердобольные Разоблачители». Она была выведена смазанными черными буквами вскоре после их приезда в середине июня прошлого года, когда они собирались провести самое важное и увлекательное лето в своей жизни. Слова были способом пометить свою собственность, как городские шайки помечают свои охотничьи угодья с помощью граффити. Генри не мог вспомнить, кто написал их, – Тесс, Уинни или Сьюзи, – и это удивило его; он уже забыл этот фрагмент головоломки.

Вокруг хижины, как аллигаторы во рву, кружили кошки. Да, они забыли и про кошек. Не совсем забыли, но решили, что те куда-то убежали и нашли себе другой дом. Теперь кошки казались скорее дикими, чем ручными: шелудивые, кожа да кости, мех свалился, глаза слезятся, уши порваны. Постепенно их становилось больше, пока Генри и Тесс не оказались в окружении десяти или двенадцати отощавших кошек, как будто помнивших о том, что эти люди раньше кормили их. Кошки мяукали и протяжно сипели; их голоса были визгливыми, умоляющими и становились более настойчивыми после того, как они последовали внутрь за Генри и Тесс. Генри отбрыкивался от них, а Тесс направилась на кухню.

– Может быть, мы оставили немного кошачьего корма, – сказала она. – Если есть вода, я могла бы подмешать сухое молоко.

Генри лишь закусил губу, хорошо понимая, что бесполезно останавливать ее.

Воздух в хижине был спертый и пах мышами; кисловатая вонь исходила от стен и потолка, где воображение Генри рисовало мышинные гнезда, ходы и целые городки, прогрызенные в рваном утеплителе и пропахшие экскрементами многих поколений жильцов. Но за мышиным запахом скрывалось нечто более угрожающее: сырой привкус гнили и разложения.

– Должно быть, там какой-то мертвый зверек, – сообщил Генри, стоявший рядом с входной дверью. – Наверное, одна из кошек застряла и не смогла выбраться.

Тесс что-то проворчала в ответ, сосредоточенная на своих поисках среди кухонных шкафчиков.

Первый этаж хижины представлял собой одно большое помещение, разделенное на гостиную, кухню и столовую. В дальнем конце гостиной с потолка свисали портьеры, отгораживавшие место, где спали Сюзи и Уинни. Даже сейчас Генри не стал отодвигать занавес, не желая нарушать их уединение. Вместо этого он обратил внимание на стул у окна, стоявший слева от портьеры, и ощутил легкую тошноту, когда увидел обрывки веревки, обмотанные вокруг ручек и ножек. Он помнил ощущение жесткой щетинистой веревки, воро-

чавшейся в его руках, словно непоседливый зверек, когда он вязал узлы.

«Крепче, Генри, – сказала ему Сюзи. – Вяжи крепче».

– Тунец! – воскликнула Тесс, державшая в руке две консервных банки, и повернулась к шкафу, чтобы достать банку сгущенки. Ее огромный живот уперся в столешницу, и она торжествующе вскрикнула. Кошки громко замяукали. Генри перевел дух и продолжил осмотр, пока Тесс расставляла миски и выдвигала непокорные разбухшие ящики, гремя столовыми приборами в поисках открывалки для консервов.

Все осталось на месте. Сюда не вторгались вандалы или подростки, искавшие место, где можно накуриться травки и как следует оттянуться. Все казалось застывшим во времени, как в музейной диораме. Генри наполовину ожидал, что сейчас войдет Сюзи своей танцующей походкой, оживленно жестикулируя по поводу очередного странного проекта, и рукава ее шелковой блузки будут трепетать, словно крылья бабочки.

На столе было полбутылки текилы и пять пустых бокалов. В бутылке плаваладохлаямышь. «Счастливый засранец», – подумал Генри, глядя на утонувшего грызуна, и снова ощутил подступающую тошноту.

Кроме того, на столе оставались еще пять тарелок, грязные столовые приборы и мятые полотняные салфетки. Мыши дочиста подобрали крошки и вылизали тарелки.

В углу стола лежала так и не отправленная записка с тре-

бованием выкупа, составная картинка из букв и слов, тщательно вырезанных из газет и журналов. Генри прочитал последнюю строчку: *Если вы не последуете нашим инструкциям, то мы убьем вашего сына.*

На кофейном столике перед диваном Генри обнаружил старый «ПолярOID» Уинни с кучкой фотографий, разбросанных как карты Таро перед гадалкой, предсказывающей не будущее, а прошлое. Генри посмотрел на Тесс, которая была слишком занята с кошками, чтобы следить за ним. Не глядя на снимки, он убрал их в свой рюкзак. Под фотографиями обнаружился дневник Сьюзи – тяжелый блокнот для записей в твердой черной обложке, на которой красным лаком для ногтей было выведено: РАЗОБЛАЧЕНИЕ = СВОБОДА. Он провел дрожащим пальцем по глянцевитым буквам; затем, не открывая дневник, отправил его туда же, куда и фотографии. Взвалив на плечи и без того невероятно тяжелый рюкзак, он с тоской посмотрел на дверь. Генри боролся с желанием выбежать из хижины и подышать свежим воздухом. Ручеек холодного пота пробежал у него между лопатками. Тесс называла их «костяными крыльями».

Крылья.

Сьюзи всегда носила длинные блузки свободного покроя приглушенных землистых оттенков. Вместе с черными леггинсами и потрепанными армейскими ботинками на высокой шнуровке. Это была ее стандартная униформа.

– Мы не должны надолго оставаться здесь, – пробормо-

тал он, скорее самому себе, чем своей жене. *Мы вообще не должны были приходить сюда.* Это не было частью сделки. Той последней ночью они обещали друг другу никогда не говорить о том, что случилось. Никогда не возвращаться. А если кто-то вдруг свяжется с ними насчет Сьюзи, они должны были ответить, что в конце лета, когда они в последний раз видели ее, она собиралась уехать на запад, в Калифорнию. Разве не сама Сьюзи рассказывала им, что секрет действительно хорошей лжи заключается в блестящей жемчужине правды, скрытой внутри?

Генри посмотрел на Тесс, которая расставляла миски с тунцом и разбавленной сгущенкой. Она опустилась на колени, чтобы достать до пола, и ей приходилось обеими руками упираться в столешницу, чтобы подняться обратно. Кошки сражались между собой за место возле мисок.

– Осторожно, – предупредил Генри. – Они больше не знают тебя.

Он всегда ненавидел кошек, не помнил их клички и не следил за их маленькими историями. Теперь у него были причины полагать, что они могут оказаться опасными, а Генри считал первой обязанностью мужа и будущего отца обеспечить безопасность жены. Он не мог контролировать происходящее, но изо всех сил старался быть готовым ко всему. Надейся на лучшее, но готовься к худшему: неплохой лозунг для уроженца Вермонта.

Они были женаты четыре месяца и окончили колледж не

более года назад, так что Генри иногда тупо удивлялся, когда видел обручальное кольцо у себя на пальце. Девушка, с которой он не рассчитывал связать свою жизнь, теперь стояла на разоренной кухне и кормила изголодавшихся кошек, а на ее распухом пальце красовалось такое же золотое кольцо – физическое, осязаемое доказательство их связи. Как будто ребенок не был достаточно веским доказательством.

Его отец оплатил скромную свадьбу, а затем убедил их переехать к нему. Мать Генри умерла год назад в просторном, беспорядочно построенном фермерском доме, оставив мужа в одиночестве. Там было много свободного места для всех, много места для их личной жизни. И там был бассейн, который Рут, мать Генри, распорядилась обустроить за несколько лет до своей смерти. Тесс он очень нравился.

– Новорожденные дети, которые выходят из утробы, уже умеют плавать, – сказала она как-то Генри. – Это инстинкт. Мы сразу же поместим малышку в воду, и она начнет плавать еще до того, как научится ползать.

Генри скривился и подумал: «Еще посмотрим».

Ему была ненавистна эта мысль. Бассейн во дворе сам по себе был роскошью, но в Вермонте, где им можно было пользоваться лишь три месяца в году, он казался полнейшей глупостью. Не говоря уже о том, что это просто опасно.

Генри работал с отцом на полную ставку в компании «Дефорж», откладывая деньги для ребенка. Весь день он проводил с рабочими бригадами и носил футболку с логотипом

компании, заправленную в белые джинсы художника, и возвращался домой вечером, чтобы поработать дома. Он подготовил детскую для ребенка и вычистил один из небольших сараев на заднем дворе, чтобы Тесс могла использовать его как свою мастерскую. Он обезопасил все комнаты и надел предохранительные колпачки на все стоки, установил пластиковые замки на шкафчики с лекарствами и средства для очистки дома, покрыл монтажной пеной все острые углы мебели. Он осушил бассейн. Он даже часто готовил ужин для своей жены и отца. Когда Генри наконец ложился в постель, то спал крепко и без сновидений, а просыпался отдохнувшим и готовым к новому дню. В жизни Генри не было времени для того, чтобы оглядываться назад и думать о том, что произошло тогда в хижине. Он жил в мире, где правило настоящее и ближайшее будущее. Поэтому он так воспротивился настоятельному предложению вернуться в хижину после того, как растает снег.

– Зачем тебе это понадобилось? Мы же поклялись никогда не возвращаться туда.

– Я хочу последний раз оглядеться вокруг до рождения ребенка. Мне просто нужно это сделать, Генри.

– Но мы заключили соглашение, – напомнил он.

– Я пойду, с тобой или без тебя.

Генри понимал, что нет смысла спорить с Тесс особенно теперь, на позднем сроке беременности. Если бы она сказала, что хочет феттучини с пармской ветчиной в три часа но-

чи, то нашла бы способ получить желаемое, даже если это означало бы, что Генри отправится в круглосуточный супермаркет и лично приготовит это блюдо.

Генри не имел иного выбора, кроме присоединения к ее паломничеству. Сделать все возможное, чтобы ей ничего не угрожало. Но здесь, в хижине, это казалось невероятно трудной задачей.

Он поднялся в мансарду, где спали они с Тесс и где был зачат их ребенок. Их постелью был старый футон, уложенный на пол и забросанный спальными мешками, которые теперь были изгрызены мышами. Словно торопливый вор, он быстро перебрал их пожитки: одежда, сложенная в молочных коробках, заплесневелые книги, краски и кисти Тесс, его инструменты для резьбы по дереву. Он подхватил холщовый сверток со стамесками, тисочками и ножиками и запихнул его в рюкзак вместе с некоторыми лучшими кистями Тесс. Краски остались на месте.

Мансарда была тесной и душной. Генри быстро спустился по лестнице и на этот раз направился прямо к закутку за портьерой, сдвинув ее рывком, словно ожидал найти Уинни и Сюзи, если будет действовать решительно. К черту приватность! Но их кровать была пустой. Одежда валялась на полу вместе с армейскими ботинками и белыми теннисными туфлями с замысловатым узором. Коробка с высохшими фломастерами. Кальян, изготовленный из пластикового мишки, когда-то заполненного медом. Пустая винная бутыл-

ка с огарком свечи в горлышке, следы от красного воска на стекле, словно засохшая кровь. А дальше, на стене за их модельной постелью, был лось, занимавший всю стену. Не деревянная скульптура, – которая, как было известно Генри, валялась за хижинкой в виде мелких кусочков, – а картина: девять холстов, составленных вместе, исследование Сюзи перед ее реальным проектом, перед той самой скульптурой, которая была их концом.

Тесс стояла над кошками, глядя на то, как они жадно поглощают еду, и слушая их приглушенное мурлыканье. Она обдумывала способы убеждения Генри в необходимости забрать их домой. Возможно, не всех. Она начнет с парочки; конечно, отец Генри не будет возражать? И, хотя Генри был аллергиком, от этого есть подходящие лекарства, не так ли? Одна или две кошки – не такая уж большая просьба. Определенно, она возьмет Кэррота, потому что он был первым. И, наверное, маленькую бесхвостую Ташу. Остальные хотя бы смогут вернуться в город. Но как спустить кошек с холма? Она не думала, что животные последуют за ними, даже если они откроют банки с тунцом. Она принялась искать какое-то местечко для них, большой ящик или коробку. Именно тогда она заметила аквариум, оставленный на месте после их ухода, на столешнице слева от раковины. Тесс сразу же поняла, откуда пахнет мертвечиной.

Она вспомнила тот день, когда они с Уинни принесли с

озера банку из-под арахисового масла, полную темных яиц в желатиновой массе. В начале лета, когда все казалось возможным.

– Ох, – только и сказала она, стоя перед стеклянным резервуаром, когда вонь ударила ей в голову.

Сколько их было? Пятнадцать? Двадцать? Трудно догадаться. Аквариум был набит полуразложившимися лягушками, завязшими в тошнотворной зелени, когда-то напоминавшей воду, но теперь больше похожей на первозданную слизь.

Именно там, стоя перед аквариумом, Тесс вспомнила, как Сьюзи произносила слово *мет-а-морфо-за*, делая ударение на каждом слоге и обещая, что та же участь ожидает их четверку Сердобольных Разоблачителей, что они тоже необратимо изменятся и больше никогда не вернутся к прежнему состоянию.

Именно тогда, когда вонь наполнила ее ноздри, а голос Сьюзи пропел «*мет-а-морфо-оза*» в ее голове, у Тесс отошли воды.

– Ох, – воскликнула она снова, и теперь ее возглас был больше похож на стон. На возглас ребенка, отчаявшегося найти свой дом.

Когда у его жены отошли воды – когда жидкость просочилась через хлопковые трусы и закапала на истертые доски кухонного пола под куполом юбки, Генри смотрел на лося.

Он встретился взглядом с глазами животного на картине и поверил, что оно пригвоздило его к месту. Он не смел двигаться, чтобы не ожило нарисованное существо. Он впервые заметил, что форма и цвет его радужки были похожи на глаза Сюзи, – светлый янтарь с золотыми блестками, – и только тогда сообразил, что это Сюзи смотрит на него, судит о нем и спрашивает, зачем он вернулся и что ожидал найти.

– Ты, – прошептал он, обращаясь к лосю как раз в тот момент, когда услышал, как застонала его жена.

Генри шагнул вперед и сорвал верхний левый фрагмент с левым глазом лося и клочковатым бурым ухом. Потом он решительным шагом направился к Тесс, сжимая оторванный кусок под мышкой. Он протолкался через кошек на кухне и обнаружил свою жену, стоявшую в лужице перед аквариумом. Сначала ему показалось, что она хотела спасти лягушек (хотя он понимал, что там давно уже нечего спасать). Генри подумал, что она руками вычерпывала вонючую зеленую воду, и сама мысль об этом едва не вогнала его в ступор.

– Кажется, ребенок хочет наружу, – сказала Тесс, скрестив руки на животе.

Даже после ее объяснения ему понадобилось какое-то время для осознания случившегося и составления плана действий. Генри умело организовал их уход из хижины и медленный спуск по склону холма и прогулку к автомобилю. Кусок картины выпирал у него из-под локтя под нелепым углом, и карий глаз, глядевший на него, как будто спрашивал:

Ну, и что ты надеялся найти?

Часть 1. Для того чтобы понять природу вещи, ее нужно разобрать на части

Глава 1

– Наши дни–

Сам лось, – или, вернее, его левый глаз, ухо, рога и морда, – теперь висел на ржавом гвозде в передней дома Генри, наблюдая за приходами и уходами, встречая каждого посетителя и оценивая каждого из них, словно Сторожевой лось. Назови пароль и войди. Но кто знает пароль? Только не Тесс. И не Генри, который выехал из дома и поселился в амбаре около года назад. И не Франклин Дефорж, который умер четыре года назад от аневризмы мозга. Лось жалел всех и позволяет им приходить и уходить, день за днем. С любопытством наблюдая за бесчисленными пакетами из бакалеи, коробками пиццы, пригоршнями почты и поленницами дров, доставляемых в дом. Как и за снегом, упавшим пальто, за грязью, счищенной с обуви, за зонтиками, оставленными на

просушку.

В конце концов пароль придумала их дочь Эмма. Это она назвала лося Фрэнсисом и придумала, что надо лишь заглянуть в туманный глаз и прошептать «*девять*», когдаходишь в дом. Это волшебное число. Эмма узнала от родителей, что Фрэнсис состоял раньше из девяти больших картин. Восемь из них пропали.

Фрэнсис был нарисован *давным-давно* подругой родителей из колледжа, которую звали Сьюзи. Каждый раз, когда Эмма задавала вопросы о Сьюзи или о лосе, вроде «Как долго она рисовала Фрэнсиса?» или «Что случилось с остальными картинами?», ее родители лишь качали головами. И глаза становились пустыми, как у кукол, и они знай лишь твердили: *Это было так давно.*

В ту часть истории Эмма не имела пропуска, и поэтому ей приходилось лишь догадываться. Это время было еще до того, как на свет появилась она.

Девятка – счастливое число. И как раз в прошлом месяце Эмме исполнилось девять лет. Они устроили маленькую вечеринку, где была только Эмма, ее родители и ее подруга Мэл. Родители хотели, чтобы она пригласила побольше друзей, но, по правде говоря, у Эммы была только Мэл. Большинство других детей в школе насмехались над Эммой и называли ее полоумной. И даже если бы у нее были другие друзья, она бы не пригласила их к себе домой – особенно теперь, когда папа жил в амбаре. Ей не хотелось, чтобы об этом

узнали в школе.

Мэл – единственная, кому Эмма доверяла. Единственная, кто не придавала значения ее привычке считать шепотом или перебирать подносы в школьной столовой, пока не попадется голубой без единой царапины.

В ее день рождения Эмма, Мэл и ее родители поиграли в боулинг с кеглями-свечками, а потом вернулись домой и угостились красным шоколадным пирогом – любимым лакомством Эммы, потому что он одновременно шоколадный и красный, как Марс. Еще Эмме было приятно, что, когда мама была маленькой, бабушка Бэв каждый год готовила ей точно такой же пирог. Эмме нравились слова «фамильный рецепт», и каждый день рождения, когда она ела свой первый кусок, такой сладкий, что ныли зубы, то представляла маму в таком же возрасте, – семь, восемь, девять лет, – бравшую первый кусок пирога, и на несколько мимолетных секунд она ощущала эту странную, сладкую связь с матерью.

Эмма закрыла глаза, когда задувала девять свечей на своем пироге, уверенная в том, что когда она откроет их, то случится нечто чудесное. Она обнаружит, что отрастила крылья или живет под водой вместе с морскими звездами. Лось Фрэнсис оживет, и вместо глаза и губастой морды она увидит настоящего, живого, дышащего лося.

Но это было не то, чего она желала на самом деле. Когда Эмма задувала свечи, то больше всего ей хотелось, чтобы родители снова жили вместе, и она изо всех сил сосредоточи-

лась на этом желании. Они должны понять, что любят друг друга, и тогда ее отец вернется из амбара и снова будет жить с ними в фермерском доме.

Может быть, решила девочка, когда увидела, как они улыбаются ей над пирогом с дымящимися свечками, им просто нужно помочь. Немножко подтолкнуть их в нужную сторону.

Десятилетняя Мэл, которая была на год старше Эммы, предложила как-то ей шпионить за родителями.

– Мы не можем так поступать! – возмутилась Эмма. Был понедельник 9 июня, первый день летних каникул, девочкам было ужасно скучно.

– Это же ты так хочешь, чтобы они снова были вместе, – сказала Мэл и стала ошипывать кутикулу вокруг ногтей на руках: это был верный признак того, что она вот-вот потеряет интерес к проблеме. Мэл умная, но не любит, когда ее осаживают, и в таких случаях переключается на что-нибудь другое. Мэл даже может сесть на велосипед и укатить домой, оставив подругу одну без всяких занятий, кроме просмотра надоевших старых фильмов. Но сегодня был первый день летних каникул, первый день свободы. Один-единственный день мог задать тон на целое лето, и Эмма не хотела все испортить.

– Но как это может помочь? Что мы вообще будем искать? – неуверенно спросила Эмма, уже понимая, что Мэл предлагает нечто дурное, неуважительное, а почтение друг

к другу – это самое главное и, возможно, единственное правило в их доме.

– Доказательства, – ответила Мэл и сделала сосредоточенную мину.

Отец Мэл – офицер полиции, а ее мать библиотекарь в средней школе. И Мэл всегда отлично сдает тесты на проверку словарного запаса, а это означает, что она хорошо подкована и в курсе определений таких слов, как «отрекаться» или «благоприятствовать». Еще она точно знает, как снимать отпечатки пальцев со стеклянного бокала с помощью клейкой ленты и талькового порошка и, может быть, даже как заставить двух сломленных людей снова полюбить друг друга.

– Ну ладно, – сказала Эмма. – Но если нас поймают, то убьют.

Мэл тесно обвила рукой шею Эммы, что могло быть началом объятия или удушающего захвата, и сказала:

– Ты не пожалеешь об этом.

Ее слова, произнесенные с яростным воодушевлением, звучали как жаркие, сердитые дуновения у щеки Эммы, и она начала сомневаться, стоило ли, в конце концов, соглашаться на это.

Их поиски (теперь получившие официальное название «Операция Воссоединения», или ОВ для краткости) начались со спальни Тесс. Генри находился на работе. Сама Тесс тренировалась в подвале – Эмма слышала стук ее перчаток по черной боксерской груше, подвешенной на цепях к стро-

пильной балке. *Бум! Чанг. Бум! Чанг.*

Эмма стояла на стреме в коридоре, нервно переминаясь с ноги на ногу, пока Мэл рылась в вещах ее матери. В шкафу полно одежды и обуви от Land's End и L. L. Bean¹. В ящике прикроватного столика Мэл нашла только фонарик и мистический роман в бумажной обложке с изображением петли.

Эмма повертела бронзовую ручку на двери спальни Тесс, поворачивая ее девять раз налево, потом десять раз направо для удачи.

– Здесь ничего нет, – удрученно сказала Мэл. – Давай попробуем в кабинете.

Они спустились по лестнице в гостиную и прошли в маленькую комнату, которая служила рабочим кабинетом. Мэл села на старый кожаный стул с вращающимся сиденьем и начала обыскивать стол. Эмме достался шкафчик для документов. Вся их добыча – ежемесячные бюджеты, счета, старые купоны и комки пыли. Эмма терпеть не могла пыль. Однажды она прочитала, что домашняя пыль на восемьдесят процентов состоит из чешуек отслоившейся кожи. Какая мерзость. Получается, люди похожи на змей, только по-другому сбрасывают кожу. Эмма каждый день пылесосит свою комнату. Когда она убирается, то закрывает банданой нос и рот на бандитский манер, чтобы не вдыхать все эти старые кожные клетки.

– Не знаю, в кого ты такая щепетильная, – каждый раз

¹ Торговые марки одежды и обуви для активного отдыха и спорта (*прим. пер.*).

удивляется ее мама.

– Ты совсем чокнутая, – обычно говорит Мэл.

– Нет, я просто щепетильная, – отвечает в таких случаях Эмма.

Мэл смеется над ней.

– Как будто ты знаешь, что это значит!

Но Эмма посмотрела в толковом словаре. Это не имеет ничего общего с «щепотью» и «субтильностью». Это означало, что она аккуратная и разборчивая. И совсем не чокнутая. Эмма считала правильным держать все в порядке. Если класть вещи точно на свои места и содержать их в чистоте, то мир обретал смысл. Именно поэтому она хотела, чтобы ее родители снова были вместе. Если дела находятся в беспорядке, рассуждала Эмма, то могут случаться разные плохие вещи. Бури, автомобильные аварии, кровоизлияния в мозг. Сразу после того как отец Эммы стал жить отдельно, во дворе упало огромное дерево, едва не раздавившее дом. Если это не доказательство, чего еще надо?

Эмма закрыла дверцу шкафчика. Затем, беспокоясь о том, что она забыла выпрямить подвесные папки, она снова открыла шкафчик и убедилась, что все в порядке. Она задвинула металлический ящик и закрыла дверцу, борясь с желанием еще раз все проверить.

Щепетильная.

Иногда она ненавидела это чувство: потребность убедиться в том, что все находится в полном порядке. Она могла за-

стрять на месте, постоянно разбираясь с чем-то и перепроверяя свою работу.

Эмма поддалась искушению, распахнула еще раз дверцу, провела пальцами по безупречно ровным папкам и ощутила приятную расслабленность.

– Здесь ничего нет, – сказала Мэл и почесала голову. Мэл сама стрижет волосы, поэтому они выглядят неопрятно, и местами у нее торчат пряди в разные стороны. Иногда Мэл так увлекается изобретением собственного тайного языка или размышлениями о том, как можно взорвать газы у пукающего человека, что забывает о таких мелочах, как еда и гигиена. Ее отец часто работает сверхурочно, а мать похожа на хиппи, поэтому ей сходит с рук все то, что не прошло бы незамеченным у других родителей.

Бух, бух! – донеслись удары из подвала. Мать Эммы одинаково хорошо работает обеими руками. Сейчас она отрабатывает джебы и хуки.

– Что теперь? – спросила Эмма.

Мэл посмотрела во двор из окна, поблескивая голубыми глазами.

– Теперь амбар твоего отца.

– Мне не разрешают туда ходить, когда отца нет дома, – голос Эммы прозвучал жалобно, и она немного смутилась.

– Ты хочешь, чтобы твои родители снова были вместе, или нет? – спросила Мэл и поправила очки в толстой пластиковой оправе, сползшие на переносицу. Ей вообще не нужны

были очки, они куплены для маскарада. Но Мэл считала, что так выглядит умнее. Эмма утверждала, что очки делают подругу похожей на Вельму из фильма про Скуби-Ду, которая, надо признать, была очень умной.

– Да, конечно.

Бух, бух, бух, бух! Чанг! Эмма ощущала вибрацию пола, когда ее мать колотила боксерскую грушу. Она всегда чувствовала ярость этих ударов и не сомневалась, что в один прекрасный день весь дом обрушится от ее тренировок на старом гранитном фундаменте. Но мама клялась, что боксирует не от гнева, а ради того, чтобы соблюдать форму.

– Тогда перестань душить, – сказала Мэл и выдернула подругу из раздумий. – Пойдем.

Мэл вышла из дома и направилась к амбару. Эмма пустилась следом, задержавшись в прихожей лишь на секунду, чтобы прошептать «девять», пока подруга не слышит; даже умная Мэл не понимала некоторые вещи. Например, почему Фрэнсис имеет такое важное значение. Или Дэннер. Подруга даже не догадывалась о ее существовании. Если Дэннер показывается, когда Мэл поблизости, то Эмме всегда приходится делать вид, будто ее нет. Иногда это бесит Дэннер: она не любит, когда ее игнорируют.

Эмма добиралась до отцовского амбара за восемьдесят один шаг. Это очень удачно. Девять раз по девять будет восемьдесят один, а значит, девятка является квадратным корнем из этого числа. Числа, как и деревья, имеют корни.

Когда Эмма подошла к амбару, она увидела, что Мэл закурила самодельную сигарету. Она использует для этого обертки от жвачки «Ригли» и сухие травы со своей кухни: орегано, базилик и тимьян.

– Внутри нельзя курить, – предупредила подругу Эмма.

Мэл закатила глаза, облизала указательный и большой пальцы и погасила тлеющий кончик сигареты в обертке от «Джуси Фрут». Потом она вернула окурок в жестяную коробочку, где держала все свои сигареты и коробок спичек.

Мэл и Эмма начали с южной стороны амбара, оборудованной под жилое помещение. Это была квартира-студия: одна компактная комната для готовки, еды и сна с душевой кабинкой в углу. Дедушка Эммы устроил здесь комнату отдыха для себя. Он не хотел «путаться под ногами» в главном доме и считал, что ему не требуется много личного пространства. Он был склонен к экономии и простоте.

Эмме и Мэл не пришлось потратить много времени на обыск маленького жилого помещения. У ее отца оказалось совсем мало вещей: кровать, несколько полок и стол с двумя стульями. Студия больше была похожа на номер в мотеле, чем на квартиру, и это придало Эмме надежду. Как будто отец знал, что это лишь временное убежище, и если он собирался однажды вернуться домой, то не хотел слишком привыкать к амбару.

Они прошли через мини-кухню и открыли дверь на другую сторону, где находилась мастерская отца Эммы. Ко-

гда-то тут была конюшня, но стояла и сеновал давно убрали. Теперь это было огромное помещение, похожее на пещеру, где достаточно места для небольшого самолета. В мастерской пахло опилками и смазкой. Здесь были металлические полки, верстаки и инструменты трех поколений работников «Дефорж»: токарный станок, вертикальный сверлильный станок, ленточная пила, циркулярная пила и почти бесконечное множество ручных инструментов. Ее отец также хранил здесь кое-какое оборудование, принадлежащее компании: дополнительную моечную машину, строительные мостки, сломанные лестницы.

Мэл прошла в мастерскую. Эмма посмотрела ей вслед с сильно бьющимся сердцем: для нее это было запретное место. У Эммы появилось ощущение, что если она войдет в дверь без разрешения отца, то обязательно случится нечто ужасное. Она помедлила на пороге, покрутила ручку по девять раз в ту и другую сторону, но ощущение не прошло.

– Иногда отец приходит сюда на ланч, – сказала она.

Мэл посмотрела на часы.

– Ради бога, сейчас половина одиннадцатого! – Она включила свет. – Иди и помоги мне.

Эмма задержала дыхание и шагнула через порог. Ничего страшного не произошло... пока. Но по-настоящему ужасные события требуют времени.

– Глобальное потепление, – прошептала Эмма. – Рак.

Она представила, как одна клетка в ее теле сошла с ума и

начала усиленно делиться.

– Что? – рявкнула Мэл.

– Ничего.

В центре помещения размером с притвор большого собора на специально сконструированной раме покоилось долбленое каноэ, над которым работал отец Эммы. Он установил над ним яркие направленные светильники, оставляющие в тени остальную часть мастерской. Длинное и бледное, с изящными обводами, каноэ напомнило Эмме большого белого дельфина. Она всегда начинала нервничать, когда видела нечто, явно предназначенное для передвижения по воде, но застрявшее на суше. И не просто застрявшее, а удерживаемое деревянными распорками и зажимами. Попавшее в плен.

– Посмотри там, – распорядилась Мэл, указывая на металлические полки и шкафы вдоль восточной стены мастерской. Мэл же подошла к старому деревянному верстаку и стала перебирать инструменты.

– Моему отцу не нравится, когда другие прикасаются к его вещам, – заметила Эмма. Это *неуважительное отношение*.

– Он никогда не узнает, – пообещала Мэл и с лязгом уронила на верстак большой металлический рашпиль.

Эмма осматривала полки: цепная пила, секатор, перегревшая фара. В основном она видела ряды пустых банок из-под краски. Девочка взяла одну и прочитала надпись на крышке: «Костяной белый». Откуда-то сверху донеслось ти-

хое кошачье фырканье.

Там, сидя на краю верхней полки и болтая длинными ногами, Дэннер улыбнулась ей сверху вниз.

У Дэннер грязные светлые волосы, точно такие же, как у Эммы. Она примерно одного возраста с Эммой. В сущности, она могла бы быть ее двойняшкой. Ее нос немного другой, подбородок чуть более заостренный, но время от времени Эмма ловила свое отражение в зеркале или витрине и думала, что она видит Дэннер.

Иногда Дэннер появлялась в одежде Эммы, чего та не переносила, но Дэннер всегда возвращала вещи на место чистыми и аккуратно сложенными. Иногда Дэннер представляла в наряде ее отца или матери. Если Дэннер появлялась в новых маминых шортах для бега, то можно было поспорить, что они навсегда исчезнут или расползутся по швам. Однажды Дэннер появилась в мамином кашемировом пальто, а на следующий день его нашли на дне бассейна.

Сегодня Дэннер надела старый отцовский жилет для рыбалки. Ее приглушенное хихиканье было похоже на звуки, издаваемые чихающей кошкой.

Эмма поднесла палец к губам. Дэннер повторила ее жест и улыбнулась еще шире. Потом она отняла палец и уперлась в крышку одной из банок с краской на верхней полке. Эмма в ужасе затрясла головой – *Нем!* – но уже было слишком поздно. Банка упала на пол, крышка отлетела, и повсюду разлилась густая темно-зеленая краска.

Эмма вся задрожала от паники. Как она теперь уберет все это безобразие? Если краска останется на полу, ее отец поймет, что она побывала в мастерской. Ей не следовало приходить сюда. О чем она думала? Эмма схватила тряпку с ближайшей полки. Дэннер продолжила тихо хихикать, но Эмма слишком была рассержена, чтобы посмотреть на нее.

– Я кое-что нашла! – крикнула Мэл, склонившаяся над старой металлической коробкой для инструментов с облупившейся красной краской.

Кожа Эммы покрылась мурашками. Она оставила тряпку в центре темно-зеленой лужи, бросила Дэннер и направилась к Мэл, чтобы посмотреть. Там, на ржавом дне коробки, лежала стопка фотографий, сделанных на «Поляроиде», и тяжелая черная книжка со словами «Разоблачение = свобода», выведенными на обложке.

– Ничего себе! – воскликнула Мэл, перебирая фотокарточки и глядя на одну из них. – Это твои родители. Смотри!

Эмма схватила фотографию. Да, это были действительно ее родители, но хотя Эмма узнала их, все вокруг казалось другим и почему-то неправильным. Мамины волосы были длинные и спутанные, а папа выглядел так, словно отращивал бороду. Но при этом они улыбались! Они выглядели по-настоящему счастливыми. Отец на фото обнимал маму за плечи. Эмма с трудом могла теперь вспомнить, когда ее родители прикасались друг к другу, не считая случайных столкновений, неизменно сопровождаемых неуклюжими из-

винениями.

Рядом с родителями на фото две незнакомых женщины. У дальней справа короткие темные волосы и ружье в руках. Вторая женщина, блондинка, положила голову на плечо первой. Она на снимке показывает фотографу средний палец, Эмма знает, что это непристойная вещь, вроде сквернословия.

– Только посмотри, – Мэл начала хихикать. – Она показывает кому-то средний палец!

Эмма смотрела на фотографию так долго и пристально, что у нее начала кружиться голова. Она понимала, что видит своих родителей, какими они были *давным-давно*. Она почти не слышала Мэл, а когда начала возвращаться в реальность, то ей потребовалось некоторое время, чтобы понять, где она находится, как попала сюда и кто обращается к ней.

– Это дневник женщины по имени Сьюзи, – сказала Мэл, держа в руках тяжелую черную книжку. – Ты не поверишь, Эмма! Твои родители принадлежали к какой-то группе под названием «Сердобольные Разоблачители». У них был свой манифест и все остальное!

Эмма посмотрела через мастерскую на Дэннер, которая по-прежнему сидела на верхней полке, и та с довольным видом подмигнула ей.

– Вот, послушай, – Мэл начала читать: – «Для того чтобы понять природу вещи, ее нужно разобрать на части».

Эмма только кивнула в ответ. Она в этот момент думала

о лосе по имени Фрэнсис.

– Девять, – бездумно прошептала она, глядя на фотографию у себя в руке. Сюзи – это женщина, которая нарисовала Фрэнсиса. Это она стоит с ружьем, или это та, кто показывает фотографу средний палец? И кто сделал снимок?

– Что ты бормочешь, чудо-юдо? – спросила Мэл.

– Ничего.

Эмма спрятала фотографию в задний карман шорт, потом подняла голову и еще раз взглянула туда, где сидела Дэннер, но та уже пропала. Дэннер, она такая: сейчас здесь, а потом нет.

– Елки-палки! – воскликнула Мэл и протянула дневник Эмме. – Смотри, на первой странице адреса всех членов группы. Мы можем написать им!

– И что мы скажем? – спросила Эмма.

Мэл задумчиво изучила имена и адреса. Потом она улыбнулась так широко, что показались зубы.

– Бог ты мой! – сказала она. – Вот оно!

– Что? – спросила Эмма.

Мэл держала книгу перед собой обеими руками и трясла ее как тамбурин.

– Разве не понятно? Мы должны написать этим людям, чтобы они снова собрались вместе. Может быть, если мы напомним твоим родителям о старых студенческих временах, они захотят вернуться в прошлое и повеселиться друг с другом? Вот наш ответ, – она снова встряхнула книгу. – Вот оно.

Это именно то, что мы искали!

– Но это адреса десятилетней давности, – заметила Эмма. Мэл кивнула.

– Тогда они учились в колледже. Возможно, это значит, что здесь указаны адреса их родителей. А родители могут вечно жить в одном и том же доме, можешь мне поверить.

Мэл достала маленький блокнот на спирали и ручку из заднего кармана заношенных штанов военного фасона и переписала адреса из дневника. Покончив с этим, она убрала дневник и фотографии в коробку для инструментов.

– Я возьму велики и дождусь тебя снаружи. Скажи своей маме, что мы собираемся в «Додж» за кока-колой. Да, и прихвати немного денег.

Эмма покачала головой:

– Сначала я должна отмыть пол от краски.

Мэл посмотрела на безобразное зеленое пятно на полу.

– Отличная работа, уродина, – сказала она и покачала головой. Потом она взяла кучу тряпок, направилась оттирать пол.

В универмаге «Додж» они купили три дешевые вермонтские открытки (каждая с фотографией лося, в честь Фрэнсиса) и марки. Бернис взял деньги и спросил:

– Собираетесь устроить небольшую переписку, девочки?

Бернис всегда управляла этим магазином. Даже дедушка Эммы не мог вспомнить того времени, когда не было «До-

джа».

– Да, мэм, – с гордой улыбкой ответила Мэл. – Мы будем переписываться с друзьями из летнего лагеря.

Мэл говорит, что о Бернис можно написать учебное пособие по раздвоению личности. Иногда она сияет улыбками и бесплатно раздает лакричные палочки. В другие дни она рычит: «Здесь не место для праздных зевак! Если у вас нет денег, отправляйтесь домой».

– Возможно, это из-за менопаузы, – предположила однажды Мэл, Эмма кивнула, хотя не имела представления, что это такое.

Самое лучшее в том, что о настроении Бернис всегда можно судить по ее лицу. Злая Бернис всегда накрашена: розовые румяна и плохо наложенная оранжевая помада с блестками.

Сегодня утром она находилась в образе дружелюбной старрой Бернис: седые волосы были собраны в конский хвост, бледная кожа со старческой пигментацией чисто отмыта.

– Хорошие девочки, – сказала она. – Дети в лагере часто скучают по дому. Открытка от подруги должна взбодрить их. Можете бесплатно взять по банке корневого пива².

– Спасибо, Бернис, – хором поблагодарили они и залезли в пластиковый ящик на стойке у кассы.

Мэл закатила глаза, открыла конфету и одними губами

² Шипучий безалкогольный напиток из корнеплодов, приправленный мускатным маслом (*прим. пер.*).

произнесла: *Психопатка*. Эмма с силой наступила ей на ногу, и обе залились смехом.

Эмма была уверена, что у нее до сих пор остались зеленые следы под ногтями, хотя она вымыла руки со щеткой под горячей водой. Им понадобилось почти сорок пять минут, чтобы убрать разлитую краску. Мэл заверяла, что они все хорошо сделали, но Эмма не сомневалась, что ее отец заметит беспорядок.

– Пол и так грязный, – сказала Мэл. – Он уже покрыт пятнами краски, смазкой и бог знает чем. Можешь поверить, единственная зеленая штука, которую кто-то еще сможет заметить, – это ты сама.

На открытках они тщательно написали слова, скопированные из дневника Сьюзи.

РАЗОБЛАЧЕНИЕ = СВОБОДА

Для того чтобы понять природу вещи, ее нужно разобрать на части.

Открытки были адресованы Спенсеру Стайлсу, Валерии (Уинни) Дельмарко и Сьюзи Пирс с припиской «Пожалуйста, перешлите указанным людям» под каждым адресом.

– Если там живет кто-то другой, то он прочитает это и перешлет по нужному адресу, – объяснила Мэл. – Мой папа показал, как это делается. Его сестра, моя тетя Линда, часто переезжает из одного места в другое, и он каждый раз делает эту приписку на конверте, когда хочет связаться с ней.

Эмма кивнула и посмотрела, как Мэл опустила открытки в загородный почтовый ящик.

– Что теперь? – спросила она.

– Теперь мы подождем, пока не случится что-то удивительное, – ответила Мэл.

– Девять, – снова прошептала Эмма, когда они стали возвращаться домой. Мэл уже находилась на полпути в кухню, где мать Эммы готовила девочкам их любимое блюдо: сэндвичи с жареным сыром и болонской копченой колбасой. Мэл утверждает, что болонскую колбасу делают из свиных губ и задниц, что звучит непристойно, но тем приятнее бывает попробовать.

Эмма задержалась в прихожей, посмотрела в огромный немигающий глаз лося и впервые осознала (как она не замечала этого раньше?), что радужка лосиного глаза имеет глубокий карий цвет с золотыми искорками, точь-в-точь как у Дэннер. Потом, – она уверена, что действительно увидела это, – веко опустилось на долю секунды, как будто лось исподтишка подмигнул ей.

Глава 2

– Смотри, папа, я лягушка!

Эмма дрыгала ногами взад-вперед, как лягушка, и пыталась плыть по-собачьи. Ручки и ножки у нее тонкие, как крендельки. Плеск воды – ее лицо ушло под воду. Генри тоже задержал дыхание. Его сердце забилося с удвоенной частотой, дыхание со свистом вышло из горла. Он тысячу раз видел картину, как Эмма тонет в ночных кошмарах.

Уже прошло десять дней после начала летних каникул, и Эмма ежедневно купалась в бассейне, иногда вместе с Мэл, которую Генри просто не выносит. Слишком много шумной возни от нее. Девочки обычно тянут друг дружку под воду. Делая вид, будто тонут. Он часто кричит на них, а они в ответ смеются и называют его *Папа-Мапа-Папа*. Мэл еще и говорит, что ему нужно *лекарство от ужаса*, а Эмма лишь смеется еще сильнее, отчего у него ноет в груди.

Эмма подплыла к краю бассейна, прикоснулась к белой бетонной стене и с улыбкой подняла голову, откидывая мокрые светлые волосы. У нее маленький вздернутый нос, как у Тесс, и темно-карие глаза Генри.

– Папа, ты меня видел? Я лягушка!

Он заставил себя дышать и прикусил язык, чтобы удержаться от слов: *Нет, ты не лягушка. Немедленно убирайся из воды.*

У него свело крепко сжатые челюсти. Генри открыл рот, словно собирался зевнуть, но на самом деле он пытался ослабить мышцы.

Генри видел, как Эмма уходит под воду и задерживает дыхание; ее светло-зеленый купальник переливался под солнцем. Тесс подарила этот купальник на ее день рождения. А он подарил хорошую цифровую камеру для снимков на земле. На доброй, старой, надежной суше.

Эмма вынырнула и жадно схватила ртом воздух; ее глаза покраснели от хлорки.

– Одна минута и девять секунд, папа!

Генри улыбнулся и устало кивнул.

– Ты чемпион, – сказал он. – Где твои очки для плавания?

Но Эмма снова ушла под воду и не слышала уже его.

Потом начались заплывы. Девять раз взад-вперед через бассейн с громким отсчетом кругов.

Генри должен был засыпать бассейн после того, как умер его отец. Устроить здесь теннисный корт или оранжерею для Тесс. Все, кроме этого. Он подозревал, что однажды его дочь утонет; он нутром чувствовал это. Угадывал по мышечной дрожи каждый раз, когда она ныряла в воду. Прыгала ласточкой, плюхалась животом. Опускаясь все ниже, почти до самого дна. В его снах она каждый раз барахтается в воде, тянется к нему и зовет «Папа!», а потом уходит вниз, погружаясь все глубже и глубже.

Генри выглядит во многом так же, как во времена окончания колледжа. Такая же стрижка ежиком, такая же манера ходить, глубоко засунув руки в карманы. Только теперь он носит плотные брюки из хлопчатобумажного твила вместо рваных джинсов. В уголках его глаз появились легкие морщинки, но он по-прежнему кажется неугомонным подростком. Посторонний человек мог бы назвать его красавцем. Еще посторонний сказал бы, что ему повезло иметь такую красивую жену и дочь, успешную работу и дом с бассейном. Генри был бы идиотом, если бы ему не нравилась такая жизнь.

Но посторонний человек не может знать, что Генри на самом деле живет в переоборудованном амбаре за бассейном и что он уже больше года не спит со своей женой. Что касается супружеских отношений, то их не было уже полтора года. Секс становился все более неудовлетворительным и похожим на тяжкое испытание, чем на что-либо другое. Тесс прикладывала больше усилий для оживления их интимной жизни, чем он. Она покупала книги, чувственные массажные масла (в том числе одно, предположительно вызывавшее половое возбуждение, но вместо этого вызвавшее у него аллергическую реакцию), но в конце концов он просто не чувствовал, что может заинтересоваться этим. Генри внушил себе, что страсть подобает юным любовникам, поэтам и художникам. Он не относился к этим категориям и не собирался что-либо менять.

Да, посторонний человек не может этого знать. Он не имеет представления, что Генри сейчас представляет всю свою жизнь как жалкую неудачу. Правда, он глубоко и мучительно любит Эмму, но вместе с тем подводит ее.

Фапа-Мапа-Папа. Лекарство от ужаса.

Пошло оно все к черту.

Генри почувствовал подступающую головную боль. Она всегда начинается как слабая щекотка за глазом. Потом щекотка превращается в булавочные уколы, и Генри представляет свой череп как корпус камеры-обскуры. Маленькая иголка пропускает боль в его мозг и усиливает ее, проецирует на свод черепа, который вибрирует до тех пор, пока не начинают ныть челюсти и болеть зубы. Он всегда носит в кармане брюк аспирин, как другие люди могли бы носить мятные леденцы. В этом есть некоторое утешение. Он достал баночку, открыл крышку и вытряхнул на ладонь три таблетки, потом положил их в рот и начал жевать. Кислота обожгла порезы от зубов на внутренней поверхности щек. Вгрызлась в обнаженную плоть – в те раны, которые никогда не заживут.

Сначала он изготовил для Эммы ярко-оранжевый спасательный жилет. Потом надувные подушки для плавания. В конце концов Тесс заявила, что Эмма уже слишком взрослая и сильная пловчиха и что спасательные устройства скорее повредят, чем помогут ей. Они пошли в гараж, где последняя надежда на спасение его дочери валялась рядом с заплесне-

вевшим снаряжением для кемпинга и лысыми покрышками.

У Генри не было даже обычных плавок. Он никогда не принимает ванну и довольствуется трехминутным душем. Намылиться, смыть и выйти. Тесс называет это фобией.

– Это инстинкт выживания, – возражает ей обычно Генри. – Мы не рождаемся с плавниками.

Иногда, хотя никто из них не говорит об этом, они смотрят на бассейн и вспоминают темные воды озера.

Тесс помнит о том, каким хорошим пловцом когда-то был Генри. Как он и Сюзи плавали наперегонки к скалам на озере. Они устраивали поединки, кто дольше сможет задерживать дыхание под водой. Сюзи обычно побеждала, но Тесс подозревала, что Генри просто играл в поддавки с ней.

– Раньше ты любил воду, – сказала Тесс и скорбно качает головой.

Генри втайне каждый раз гадал, хватит ли ему смелости спасти свою дочь, когда придет время. В кошмарах его ноги превращаются в бетонные блоки и у него нет рук. Когда он ныряет, чтобы спасти ее, то сразу же идет ко дну, пытаясь представить выражение лица Тесс, когда она найдет их рядом на бетонном полу бассейна. Во сне он сожалеет, что не может хоть на мгновение вернуться к жизни и произнести последние слова: *Я же тебе говорил.*

Эмма вытиралась полотенцем, когда зазвонил телефон. Сдвижные стеклянные двери, ведущие со двора на кухню,

были открыты настежь, и звонок был слышен из-за москитной сетки. Тесс же никогда не слышала звонки, когда она находилась в подвале с наушниками, вставленными в уши.

– Больше не залезай в бассейн, – сказал Генри Эмме. Та лишь закатила глаза. Он замолчал и повернулся спиной к ней, что вызвало небрежный смешок. Потом Генри трусцой побежал в дом и снял трубку за секунду до того, как заработал автоответчик. Формально говоря, это был телефон Тесс и Эммы, хотя у него была отводка в амбаре. Когда из офиса не могли дозвониться по линии его маленькой квартиры-студии, то обычно звонили по домашней линии. Люди на работе не имели понятия, что он живет отдельно от жены и дочери; он говорил им, что первая линия связана с его мастерской и всегда старается успеть туда, пока не перезвонят на домашнюю линию. Генри иногда казалось, что вся его жизнь – сплошной обман.

– Алло, – задыхаясь, сказал он.

– Это Генри? Генри Дефорж? – спросил голос женщины. Тщательный выговор, слова похрустывают, как накрахмаленное белье.

– Да.

Никто иной. *Фана-Мана-Пана* собственной персоной.

– Меня зовут Саманта Стайлс.

Имя ни о чем не сказало Генри. Клиентка? Вряд ли. Но в имени было что-то знакомое. Что-то подсказало, что он *должен* узнать, кто звонит. Генри порылся в памяти, но голова

совсем разболелась и не оставила много места для мыслей.

– Да? – сказал он, не желая объяснять, что понятия не имеет, кто она такая. Он просто хотел поскорее избавиться от нее и глотнуть еще аспирина. Или порыться в шкафчике с лекарствами и украсть одну из кодеиновых таблеток Тесс. У нее обычно бывали сильные анальгетики, которые могли снять боль за считанные минуты.

– Полагаю, вы дружили с моим братом Спенсером?

Боль в глазу Генри сработала как фейерверк и распространилась на лицо.

– Откуда у вас этот номер? – спросил он.

– Я нашла его в телефонной книжке Спенсера. Мой брат... – ее голос задрожал. – Спенсер два дня назад покончил с собой, – теперь слова женщины полились быстро, почти неразборчивым потоком.

Генри прислонился к стене и закрыл потной ладонью глаз, который как будто пронзило сосулькой.

– Мне очень жаль, – пробормотал он в трубку. На самом деле, ему было больше страшно, чем жалко. Генри уже несколько лет не думал о Спенсере Стайлсе. Он оградил эту часть своего мозга непробиваемой стеной. Он запер в клетке воспоминания о Спенсере. Или, скорее, крепко связал их.

Он вдруг вспомнил прикосновение веревки к рукам, – грубая, неподатливая пенька, – и голос Сюзи. *Крепче, Генри. Вяжи крепче.*

Рывком головы Генри отмахнулся от этого воспоминания.

Нельзя начинать снова. Нет, только не это.

– Он не оставил предсмертной записки, – сказала Саманта Стайлс. – Но его нашли рядом с открыткой из Вермонта. Там написано «Разоблачение равно свобода», и еще... – она помедлила, и Генри представил, как женщина в этот момент посмотрела на открытку и внимательно прочитала слова: – И еще: «Для того чтобы понять природу вещи, ее нужно разобрать на части». Это вам о чем-то говорит, Генри?

О господи. Еще бы не говорило.

– Ни о чем, – его голос был едва громче шепота. Он закрыл глаз ладонью в попытке заглушить боль и стал гадать, зачем Спенсер сохранил старую открытку и почему, ради всего святого, он держал ее в руке, когда повесился. Ведь прошло десять лет.

– По штемпелю ясно, что открытка пришла из Вермонта на прошлой неделе, – сказала она.

– На прошлой неделе?

Это невозможно. Должно быть, это ошибка. Открытка провалялась на почте все эти годы. Иногда такое случается, верно?

«Вот дерьмо, – подумал Генри. – Сюзи была бы в восторге». Он невольно улыбнулся, когда представил это.

– Мой отец нанял частного сыщика для расследования смерти Спенсера. Что бы ни означали слова на открытке, он докопается до сути. Он собирается в Вермонт. Уверена, сыщик захочет побеседовать с вами.

Улыбка резко превратилась в гримасу боли. Сюзи бы это точно *не понравилось*.

Проклятье. Если здесь появится частный сыщик и начнет шнырять вокруг...

— Просто не знаю, насколько я могу быть полезен, — Генри слышал слова, которые он произносил, но почти не осознавал их. Он опустился на колени. Линии замазки на кафельном полу стали колыхаться, и кажется, будто весь пол начал дрожать. Свет стал невыносимо яркий. Во рту появился солоноватый, железистый привкус крови.

— Поминальная служба состоится на следующей неделе, — сказала она. — Здесь, в Чикаго. Было бы здорово, если бы вы смогли приехать.

— Боюсь, я не могу оторваться от дел. У меня лакокрасочный бизнес. Сейчас много заказов.

Последовала долгая пауза. Генри яро противится желанию повесить трубку. Избавиться от этой женщины, причем как можно быстрее.

— Знаете, у Спенсера было совсем мало друзей после колледжа. Не таких друзей, как тогда. Если бы вы приехали, это бы много значило для нас.

Крепче, сказала Сюзи. *Вяжи крепче*. Тогда Спенсер отказался от борьбы.

Генри помассировал глазное яблоко, чтобы оно не вывалилось наружу от боли, от давления в его голове. Он стал слушать, как Саманта монотонным голосом диктует адрес,

дату и время поминальной службы, и сделал вид, будто записал на всякий случай. Генри повесил трубку как раз вовремя, чтобы добежать до раковины и сплевывать. В его рвоте была видна кровь от обкусанной щеки. Он включил воду и утилизатор отходов. Эмма называет его «электрической свинкой». Потом он посмотрел в окно. Его дочь лежала на шезлонге рядом с бассейном, и ее кожа выглядела прозрачно-бледной от наложенного солнечного крема. Хорошая девочка.

Он медленно спустился в подвал, держась за перила на ватных ногах. Оттуда доносились хлопки ударов Тесс и лязг цепей. Ее вздохи, кряхтение, затрудненное дыхание. Бокс – невероятно сексуальная вещь. Иногда, лежа один в постели по ночам, он прокручивает в голове короткие ролики с участием боксирующей Тесс. В своих фантазиях он держит кожаную грушу и чувствует силу каждого удара, пока больше не может терпеть, и тогда она укладывает его на пол. Он спускает ее шорты, и она оседлывает его. Ее боксерские перчатки упираются ему в плечи, когда она поднимается и опускается в такт его движениям. Его воображаемый секс гораздо более яркий и полнокровный, чем настоящий.

Мысль о его переезде в прошлом апреле принадлежала ей.
– Ничего не работает, – сказала она. – Я устала мириться с этим.

Ее решение не было основано на каком-то конкретном событии – скорее, на долгом ожидании и бесплодной борьбе. Однажды она проснулась и решила, что с нее достаточно.

– Ты больше не хочешь, Генри?

– Нет, – сказал он.

Тесс скорбно покачала головой:

– Ты уже привык к этому.

– Но я люблю тебя, – сказал Генри. Он всегда так говорил. Это были волшебные слова, которые должны были все исправить.

И он не лгал ей. Он *на самом деле* любил ее. Наверное, это уже не было то яркое и страстное чувство, которое она воображала, но оно было прочным. Оно имело солидную основу. Он твердо верил, что они с Тесс связаны неким глубинным образом через все общее, что они разделяли между собой. Они были предназначены друг для друга. Никто другой не мог предъявить права на них. Никто не понял бы, кем они были на самом деле, где они побывали. Когда он смотрел на Тесс, то видел ее целиком: студентку колледжа, «Сердобольную Разоблачительницу», мать, художницу, а теперь еще и женщину-боксера. Как можно не любить человека, о котором знаешь так много?

И ведь они были счастливы вместе, не так ли? Правда, их брак не всегда был идеальным, но он был хорошим и даже отличным. Этого было достаточно... или казалось, что достаточно. Но Тесс всегда хотела большего, и это неуловимое желание оказалось непосильным для Генри.

– Я люблю тебя, – повторил он свою мантру. Или молитву.

Она покачала головой:

– Я никогда не буду прежней, Генри. И я знаю, что каждое утро, когда ты просыпаешься и открываешь глаза, то чувствуешь себя немного разочарованным. Разве не так?

Той ночью он собрал свою одежду и перебрался в амбар. Вся домашняя мебель его отца, старого вдовца, осталась на месте: пыльная кровать, маленький стол и стул.

Лишь позже, ворочаясь под отцовскими простынями с узором из утиных приманок, он понял, что должен был сказать ей нечто большее (что-то вроде «Но ты же живая и настоящая»); он должен был воспротивиться. Но тогда ему показалось, что уже слишком поздно.

Генри спустился по лестнице и повернул налево. Тогда он увидел Тесс: она стояла спиной к нему и выбивала дерьмо из боксерской груши под мигающим флуоресцентным светом. Тесс миниатюрная женщина. Чуть больше пяти футов роста и девяноста пяти футов веса, и почти все – сплошные мышцы. Она носит спортивный лифчик и шорты для бега. Сейчас ее тело было явно пропитано потом. Капли пота слетали с ее коротко стриженных каштановых волос, когда она бросалась очередной раз на грушу в затяжной атаке и рычала от напряжения.

Генри обогнул напряженно пританцовывающую жену и оказался перед ней. Увидев его, она изумленно вскрикнула: – О боже, Генри! Я понятия не имела, что ты здесь! Он сконфуженно улыбнулся. Генри заметил, что она слег-

ка дрожит, и представил, как ласково берет ее за руку и говорит «Извини, любимая»; возможно, даже заключает ее в объятия. Ему понравилось бы снова обнять ее, ощутить ее влажную кожу и тепло ее разгоряченного тела, согревающее его душу.

В первые годы супружества, когда они спали вместе, ее тело идеально подходило к его телу, заполняя все пустые места. И она всегда была теплой, даже холодными зимними ночами, когда она взвизгивала от прикосновения его ледяных рук к обнаженной коже.

Генри представил, как она возьмет его за руку, привлечет к себе, и ему больше не будет мучительно холодно. Она уведет его в самые теплые места, и вскоре он тоже разгорячится, вспотеет и сбросит одеяло.

Он тихо кашлянул.

– Извини, не хотел пугать тебя. У меня только что состоялся телефонный разговор.

Она зубами распустила шнуровку на боксерской перчатке и стянула ее, потом сняла другую перчатку. Ее руки были обернуты черными бинтами для дополнительной поддержки и защиты, как полагал Генри. Освободившись от перчаток, она вынула наушники-капельки, и он услышал бухающий музыкальный ритм. Одна из тех жутких певич, которых слушает Тесс, когда тренируется.

– С кем? – спросила она и потянулась за полотенцем, чтобы вытереть лицо. Тесс выглядела озабоченной, влажный

лоб прорезали морщинки. Она знала, что он не стал бы прерывать ее из-за мелочей.

Генри закрыл левый глаз, чтобы сдержать боль.

– Очередная мигрень? – тихо спросила она.

Раньше она массировала точку над его бровью подушечкой большого пальца. Сначала мягко, потом все сильнее надавливая в надбровную дугу, пока боль не становилась почти невыносимой. Когда ему казалось, что он больше не вытерпит, она отнимала руку, и боль проходила.

Генри кивнул и рассказал ей о звонке от сестры Спенсера, о его самоубийстве, об открытке и частном сыщике, приезжающем в Вермонт.

– Если правда выйдет наружу... – начал он, глядя на нее одним глазом. Словно циклоп.

Тесс кивнула. Ее плечи понурились, колени полусогнуты, голова опустилась на грудь. Она крепко зажмурилась, как будто загадала желание.

– Но может быть, этого и не случится, – сказал Генри, изо всех сил надеясь привести дела в порядок, вернуться к своей роли защитника. – Это было давно, правда? Мы отрепетировали наши ответы до того, как он появится здесь. Я отправлюсь в хижину и позабочусь о том, чтобы там не осталось никаких улик.

Тесс посмотрела на него стеклянными глазами.

– Генри, – прошептала она. – Что будет с Эммой, если мы попадем в тюрьму?

– Мы это переживем, – пообещал он и решил взять ее забинтованную руку. Она ответила слабым пожатием.

– Генри, ты когда-нибудь думал о том, что случится, если... – ее голос затих.

– Все будет в порядке, – заверил жену Генри и вспомнил, что сказал ей то же самое в ту ночь, когда умерла Сюзи. Пустые, ничего не значащие слова.

Глава 3

Ритм ее жизни сбился. Ее сосредоточенность пропала. Спенсер мертв. Прошлое настигает их, и Тесс всегда знала, что рано или поздно это случится.

Разоблачение = Свобода.

– Господи, – пробормотала Тесс и отступила от боксерской груши, чтобы взять бутылочку с водой. Неуклюже сжимая бутылочку руками в боксерских перчатках, она сделала глоток.

Генри застал ее врасплох, когда она не имела понятия, что он находится в подвале. Она ненавидит, когда за ней следят, когда кто-то наблюдает за ней без ее ведома. Даже безобидный Генри.

В последнее время ей часто казалось, что кто-то шпионит за ней. Она постоянно ощущает на себе чужой взгляд, когда работает в студии или покупает цветы на рынке. Утром в прошлую субботу ощущение было таким сильным, что она едва удержалась от желания добежать до своего автомобиля в городском парке, огибая столы с открытками и уличных торговцев под белыми зонтиками. Все казалось злоеющим, даже выступление музыкального трио в стиле «блю-грасс»; мелодия словно прикасалась к ее коже усиками какого-то жуткого невидимого насекомого.

– Паранойя-разрушительница, – прошептала она, вспоми-

ная старую песню «Кинкс»³.

Но что, если это не просто игра воображения? Что, если кто-то, – или даже что-то, – действительно следит за ней?

Безумно даже думать об этом.

«А как насчет алой краски? – спросила она сама себя. – Ты можешь это объяснить?»

Мороз пробежал по коже. Тесс поставила бутылочку на место и вернулась к боксерской груше, но что толку? Сегодняшняя тренировка прошла впустую.

Она начала боксировать только потому, что это был единственный подходящий способ прогнать мысли обо всем остальном: о лете, проведенном вместе с «Разоблачителями», и о том, в какой беспорядок пришла ее супружеская жизнь. Когда она боксирует, то может сосредоточиться на себе, своих ударах и боксерской груше. Для остального просто не остается места.

Тесс перепробовала все. Йогу (боже, как она не любила лежать на спортивном коврике, стараясь сохранять спокойствие и сосредоточиться на своем единстве со вселенной!). Аэробику и даже ритмическую гимнастику, когда самоуверенный блондин-инструктор учил всех двигаться в одном ритме в зале, где ощутимо воняло тухлыми моллюсками. Генри только усмехнулся, когда она рассказала об этой подробности.

– Клянусь, – настаивала Тесс. – Там пахло тухлыми море-

³ Песня рок-группы Kinks из альбома 1981 года (*прим. пер.*).

продуктами, но никто как будто не обращал на это внимания.

— Да и с какой стати? — спросил Генри. — Может быть, они просто старались быть вежливыми.

— Вежливыми?

— Ну да, — ответил Генри. — Наверное, все уже знали, что вонь идет от инструктора.

Тогда они хорошо посмеялись вместе.

Раньше это было важной частью их отношений: они рассказывали друг другу маленькие истории о своих дневных приключениях и вдвоем смеялись над ними. Они заполняли пространство и молчание такими мелочами, но редко вникали во что-то другое, более осмысленное.

Тесс подумала о водомерках, которые скользят по поверхности воды, но никогда не ныряют. Вот такими были обычно их разговоры.

Два года назад, когда Тесс испытывала особую неудовлетворенность, она попробовала психотерапию. На сеансах снова и снова переживала события своего детства и тупикового брака. Ей уже тогда было ясно, что она не найдет решения и не вернется к прежнему ощущению целостности. Она понимала, что в ее жизни есть много вещей, о которых она никогда и никому не расскажет: ни психотерапевту, ни священнику, никому.

Тесс аккуратно обходила стороной реальные проблемы и свою тайную причастность к истории «Разоблачителей».

Иногда она подходила близко, но не раскрывала всю правду. Вместо этого она рассуждала о своих снах. О тех, в которых она находила брошенную зверушку в шкафу или в подвале: щенка, сгрызшего собственный хвост, или коробку с мышами, которые выели друг другу глаза.

– Я поднимаю коробку, а мыши колотятся в ее борта; их лапы превратились в кровавые пеньки от попыток вырваться наружу, – рассказывала она своему врачу.

Ее бедная слушательница невольно вздрагивала, и это вызывало у Тесс странное удовольствие. Но терапия не давала ничего, кроме маленьких удовольствий.

– Как вы думаете, что символизируют эти мыши? – спрашивала милая женщина с крашенными хной волосами, исповедовавшая принципы течения «Нью-Эйдж».

Тесс пожимала плечами.

Терапия была лишь одной ошибкой в длинном ряду заблуждений, падавших как костяшки домино и доставивших ее сюда, где она болтала с практически незнакомой женщиной о превратностях своей жизни с мужем, который уже не любил ее так, как раньше, как она хотела. Жалкое зрелище.

– Но у нас есть Эмма, – прилежно упоминала Тесс в конце каждого сеанса в качестве напоминания для себя и терапевта, что ее жизнь была не такой уж пустой и бессмысленной. Эмма была ее величайшим достижением, единственным добрым начинанием, которое она могла продемонстрировать за последние десять лет. Яркой, самобытной девоч-

кой, которая придавала их отношениям цель и смысл. Она танцующей походкой входила в комнату, и они снова становились счастливой семьей – смеялись над плоскими шутками, терялись в словах и постоянно разговаривали, потому что вдруг обнаруживали, что им много нужно сказать друг другу.

Джо, один из тренеров в фитнес-клубе, – забавный человечек с напояженными волосами, – первым приобщил Тесс к боксу. Он показал ей тяжелую грушу и основные боксерские финты. Он научил ее правильно бинтовать руки и указал на важность выбора правильных перчаток. Сначала они работали над ее стойкой, и он заставлял ее кружить вокруг груши, защищая лицо руками в глупо выглядевших ярко-красных перчатках.

– Сначала тебе нужно научиться работать ногами, – объяснил он. – Это основа, откуда идет все остальное. Если у тебя нет прочной стойки, с тобой покончено.

Потом наступило время для отработки ударов. Прямой левый, джеб и хук. Удар вразрез и апперкот.

Когда Тесс овладевала одним приемом, он учил ее следующему.

– Отлично! – кричал он. – Следи за ногами. Следи за грушей. Перчатки выше, вот так. Нырок влево и удар. Представь, что твоя рука проходит насквозь и выходит с другой стороны. Ничто не может остановить тебя!

Когда ее кулаки соприкасались с восьмидесятифунтовой боксерской грушей, она испытывала чувство, позабытое уже давным-давно. Это чувство не было связано с ее творчеством, ее жизнью, ее супружеством. Она ощущала *удовлетворение*.

Сняв перчатки и бинты, Тесс подошла к силовому тренажеру, легла на спину и сделала десять жимов лежа.

Если правда выйдет наружу...

Десять лет. Десять лет уклонения и сокрытия, нырков и блокировки. Вот и все разговоры о хорошей работе ног в боксе.

– Ты должна посмотреть, Тесс, – сказала Сюзи, пыхнув ей в лицо сладковатым смолистым дымом. Они курили косяки на крыше многоэтажного гаража в Барлингтоне. Недавно они завершили тщательный обход рядов машин, засыпая сахар в топливные баки всех внедорожников. Под щеткой ветрового стекла каждого автомобиля оставалась фотокопия сообщения: *«Гребаные пожиратели бензина, вас разоблачили!»*

Уинни и Генри ушли на разведку стройплощадки нового банка, чтобы посмотреть, сможет ли он послужить мишенью для ночной разоблачительной миссии.

Сюзи передала самокрутку Тесс и продолжила:

– Надо реально смотреть на вещи без поганных фильтров,

к которым тебя приучали всю жизнь, — ее янтарные глаза налились кровью, но ярко блестели. Она сунула за ухо прядь волос. — Вот в чем все дело. Из комы потребительской культуры восстают зрячие люди. Это наша сердобольная часть, понимаешь? Мы показываем людям правду, и даже если им больно от этого, даже если их якобы любимое дерьмо сгорит в пламени, они *пробуждаются*. Они начинают жить по-настоящему, — может быть, впервые в своей жизни.

В то время это казалось правдой и ощущалось как правда. Сьюзи страстно верила в свои слова, и ее вера была заразной. Но Тесс всегда сомневалась, — возможно, людям было лучше существовать с этим пресным вариантом жизни, с ее заблуждениями, информационными фильтрами и бегающими автомобилями, комфортными домами и простой, бессмысленной работой. Может быть, от нее не следовало ожидать большего.

Тесс до сих пор боролась с этим, — не потому ли она настаивала на том, чтобы они с Генри вышли из игры? Пресная жизнь по-прежнему совершенно не устраивала ее, но она больше не была простодушной идеалисткой. Возможно, она ошибалась.

Тесс посмотрела на гриф штанги над головой, на литые серебристые диски по краям. Она попробовала еще раз, но уже достаточно. Она выдохлась, и руки задрожали.

Ничто не сможет остановить тебя.

Дерьмо собачье.

У каждого супергероя имелаась своя слабость, свой крипонит. Лето с «Сердобольными Разоблачителями» – это ее слабость. Очевидно, то же самое относится к Спенсеру. Этого ему хватило, чтобы покончить с собой, даже спустя десять лет.

– Вот черт, – пробормотала Тесс.

Тесс села и взяла полотенце.

Она сильная. Она быстрая. У нее потрясающий крюк с правой руки, куда вложена вся сила ее тела. Она может пробежать пять миль, почти не запыхавшись. Но все это не имеет значения. Прошел год с тех пор, как она начала боксировать, но лишь теперь она поняла, что в конце концов это не защитит ее.

Она повернулась к большому зеркалу, вмонтированному в деревянные панели. Это мог быть бой со своим отражением, но она увидела лишь страх в собственных глазах, и это потрясло ее. *Я знаю, что ты сотворила*, – сказала лицо в зеркале. – *А скоро и весь мир узнает об этом.*

Можно глубоко спрятать это и нагрузить камнями для надежности, но рано или поздно правда все равно всплывет на поверхность.

Глава 4

Они возвращались домой из супермаркета. Генри сидел за рулем, багажник «Шевроле Блейзера» был нагружен пакетами, Эмма пристегнута на заднем сиденье.

– Мэл разрешают ездить спереди, – пожаловалась она и постучала ногой по подголовнику Генри; она знала, как сильно это раздражает отца.

– На заднем сиденье безопаснее всего, – должно быть, уже в сотый раз повторил он. – И перестань стучать по моему креслу!

Тесс хотела поработать над последней частью своей скульптурной композиции в саду, а Генри предложил съездить в магазин. Он решил, что это успокоит ее после звонка от сестры Спенсера. Он сам всегда находит утешение в обычных повседневных делах, толкая тележку на разболтанных колесиках по ярко освещенным проходам супермаркета и выбирая предметы из аккуратно составленного списка Тесс: лимоны, овсяная каша и средство для мытья посуды. Когда они стояли в очереди на кассу, он легко согласился на просьбу Эммы купить ей шоколадный батончик с орехами. Это почти вернуло его к нормальному состоянию. Просто мужчина со своей дочерью, выбирающий товары по списку любящей жены.

Все это обман.

Они находились в семи милях от дома, когда миновали «слепой» поворот за магазином подержанной мебели Хэллоуэя, где несколько лет назад погиб ребенок. Деревья вдоль дороги здесь чередуются с деревянными крестами, иногда украшенными пластиковыми цветами и майларовыми воздушными шариками. Впереди по левую руку находится куриная ферма «Семь Мостов» с огромным фанерным цыпленком, выставленным перед ней. Какой-то шутник на первое апреля выкрасил его в бордовый цвет с лиловыми крапинами, и никто не стал смывать краску. Теперь куриной фермой владеет человек, который называет себя Ондатром и продает самодельные барабаны, погремушки и диджериду⁴. Куры давно канули в прошлое, но иногда после летней грозы едкий запах куриного дерьма все еще висит в воздухе.

Генри слушал по радио трансляцию игры «Рэд Сокс», когда посмотрел в зеркало заднего вида и заметил, что Эмма снова беседует с Дэннер. Тихое, безостановочное бормотание. Она взмахивала руками и покачивала головой, словно танцуя; это тайный танец для тайной подруги, которую никто больше не видит.

Генри мог уловить лишь некоторые слова и фразы: «Если бы ты видела... только... а потом, интересно...»

Он считал, что Эмма вырастет из этого, но кажется, что с возрастом Дэннер лишь приобретала еще более важное значение. Тесс говорит, что это не причина для беспокойства.

⁴ Диджериду – духовой инструмент австралийских аборигенов (*прим. пер.*).

«У Эммы очень живое воображение, — объяснила она. — Мы должны радоваться этому и не тревожиться понапрасну».

«Рэд Сокс» проигрывают со счетом 2:5. Генри снова начал жевать щеки изнутри, ощущая старые шрамы. Что подумает его стоматолог?

В машине стало душно, и он включил кондиционер. Они проехали мимо заправочной станции «Тексако», где владелец Барт. Генри увидел один из пикапов компании «Дефорж», приветственно посигналил и помахал парню, который заправлял машину. Это был новый сотрудник из колледжа по имени Дэвид. Парень заметил Генри и отдал честь.

Мысли Генри вернулись к телефонному звонку от сестры Спенсера. Его беспокоила не смерть Спенсера и даже не тот печальный факт, что у его сестры сложилось ложное впечатление, будто лучшие друзья Спенсера были его однокурсниками. Нет, его беспокоила проклятая открытка с надписью «Разоблачение = Свобода».

Когда он снова услышал эти слова, у него что-то надорвалось внутри, и разрыв был слишком большим и неожиданным, чтобы аккуратно запечатать его.

Генри попытался внушить себе, что, возможно, открытка затерялась и провалялась на дне забытой почтовой сумки целых десять лет.

Но что, если нет?

Он почувствовал, как внутренний разрыв начал расши-

ряться. Откуда пришла открытка? Только пять человек когда-либо пользовались этой фразой: он сам, Тесс, Уинни, Спенсер и Сюзи. Естественно, Спенсер не посылал открытку самому себе. Они с Тесс точно не стали бы этого делать. Уинни? После того лета она вернулась домой в Бостон, и с тех пор от нее не было никаких известий. В некотором смысле, она больше всех потеряла тем летом и была бы последней, кому захотелось бы покопаться в прошлом. Если это была она, то почему она послала открытку Спенсеру? Это просто не имело смысла. Тогда оставалась Сюзи. Но ведь Сюзи... что ж, она покоилась на дне озера № 10.

Для того чтобы понять природу вещи, ее нужно разобрать на части.

Существует ли другая возможность? Кто-то еще, знакомый с тайнами того лета?

Генри снова посмотрел в зеркало и понял, что Эмма все еще разговаривает с Дэннер. Она кивнула и сказала: «Знаю. Я тоже так не думаю».

Генри забарабанил кончиками пальцев по рулевому колесу.

Проклятье, она уже слишком взрослая, чтобы делать это. Ей нужны реальные друзья. Она проводит слишком много времени в одиночестве. Конечно, есть Мэл, но она слишком эксцентричная, со своими фальшивыми очками и грубо стриженными волосами. Они с Тесс должны подыскать хороший летний лагерь для Эммы. С ремесленными занятиями.

ми, лошадьми и песнями вокруг лагерного костра. Но только без озера. Ради всего святого, никаких озер.

Возможно, им самим стоит запланировать небольшую поездку с кемпингом, как они делали в ее раннем детстве. У них был большой старый тент, который они растягивали за пикапом, и раскладывали спальные мешки и дорожный холодильник, набитый хот-догами, банками пива и содовой. У Тесс сохранился радужный плетеный гамак, который она подвешивала между деревьями на лагерной стоянке. Они втроем залезали туда, и края гамака заворачивались над ними. *Мы окуклились*, говорила Тесс. Иногда они засыпали прямо там, но чаще просто качались, баюкая друг друга руками, липкими от солнечного лосьона и спрея от насекомых, и играя в названия облаков, проплывавших над головой: *морж, кувалда, банан*.

– Это тролль! Папа, я видела тролля. Он следит за нами.

– Хочешь, чтобы я прогнал его? – спросил Генри, и Эмма пугливо кивнула. Генри надул щеки и пустил струю воздуха в небо, пока ветер набирал силу и перемешивал облака, растворяя тролля в своем потоке.

Эмма была в восторге.

– Это папино волшебство, – сказала Тесс с печальной улыбкой. – Он заставляет все плохое уходить прочь.

Генри точно не знал, когда впервые появилась Дэннер. Она как будто всегда находилась поблизости с тех пор, как

родилась Эмма. По крайней мере, с тех пор как его дочь научилась говорить. Сначала невидимая девочка не имела определенного имени, но когда Эмма научилась читать, то дала ей имя.

У Генри имелись старые турботинки, купленные незадолго до окончания колледжа, когда в его голове плавали видения о походах по всему миру: в Альпы, в Ирландию, Уэльс и Австралию. Они собирались путешествовать вчетвером. «Сердобольные Разоблачители познают мир!» – кричала Сюзи, вдохновленная этой идеей. Но потом Сюзи умерла, а Тесс забеременела, и это положило конец не только «Сердобольным Разоблачителям», но и его жажде странствий. Ботинки годились для работы во дворе и для редких походов в лес за домом. А теперь единственным «разоблачением», которое он сделал, была разборка слива под раковиной в ванной комнате для извлечения того, что Эмма уронила туда. Сережки. Маленькая заколка для волос, которую ей подарили во время поездки в Диснейленд вместе с родителями Тесс.

– Папа, что говорят твои ботинки? – однажды спросила Эмма, когда лежала на животе на кухонном полу и глядела на ботинки, стоявшие у двери. Название фирмы было вытиснено на коже вдоль каблуков.

– «Дэннер»⁵.

⁵ Danner – американская обувная компания, изготавливающая обувь для туризма и в стиле «милитари» (прим. пер.).

– Почему?

– Потому что это те, кто делает их.

– Вроде эльфов?

– Каких эльфов, милая?

– Я про обувных эльфов.

– Наверное, что-то вроде этого.

Эмма кивнула и вернулась к мечтательному разглядыванию ботинок. На следующий день невидимая девочка получила имя. Она была названа в честь обувного эльфа, в честь пары тяжелых ботинок, говоривших Генри если не о сожалении о прошлом, то об упущенных возможностях.

Генри плотно взялся за рулевое колесо, озабоченный исходом бейсбольного матча и происхождением открытки, которая привела к самоубийству Спенсера. Теперь он беспокоился и о том, будет ли Дэннер постоянной спутницей их семейной жизни. Он украдкой посмотрел на Эмму и увидел, что она все еще говорит тихим, спокойным голосом. Тогда Генри сделал звук радио тише.

– Как ты умерла? – спросила Эмма. Генри увидел, как его дочь кивнула с серьезным выражением лица, даже немного болезненным и напряженным, словно услышала, видимо, что-то неприятное.

Тихое бормотание радио прервалось хлопком бейсбольной биты. Комментаторы сорвались с катушек. Хоум-ран, пробежка по всем базам. «Сокс» вырвались вперед. В игре наступает перелом.

Глава 5

Что такое призрак? Дэннер говорит, что люди не всегда понимают правильно. Призрак – необязательно мертвец, который гремит цепями, застрявший между двумя мирами. Это дух, но духом обладают все, и живые, и мертвые. Животные, люди, растения.

Они тряслись по дороге в папином «Блейзере». Ее отец всегда говорит, что это самый плохой участок дороги, и дивится каждый раз тому, на что уходят деньги налогоплательщиков.

– Ямы размером с Род-Айленд, – чертыхнулся он.

Эмма видела, что отец наблюдает за ней в зеркале заднего вида усталым и отстраненным взглядом, примерно таким же, как в прошлом году, когда у нее было воспаление легких.

Дэннер, которая устроилась рядом с Эммой на усыпанном крошками сиденье с пятнами от пролитого сока, обратилась к ней:

– Представь, что мир состоит из слоев, похожих на страницы в энциклопедиях и учебниках биологии: сложи их вместе – и ты получишь цельный образ, например лягушку или человека. Но слои накладываются друг на друга – есть слои для сердца и легких, для нервов, для мышц, для скелета и кожи. Вот как все устроено. Ты понимаешь?

– Нет, – призналась Эмма. Она вообще ничего не пони-

мала. Вот если бы Мэл была здесь, она бы сообразила.

Дэннер посмотрела в окошко на мир, пролетающий мимо: амбар с покосившейся крышей; женщина, поливающая маргаритки вокруг почтового ящика, придорожные мотели, обещающие спутниковое телевидение, с красными табличками «имеются свободные места». Сегодня Дэннер была одета в выцветшую зеленую футболку отца Эммы с надписью «Секстон» большими белыми буквами.

Эмма никогда не была в Секстонском колледже, хотя до него меньше часа езды от их дома. Она знала, что там познакомились ее родители. Там они *давным-давно* изучали искусствоведение. Эмма как-то сказала родителям, что когда вырастет, то поступит в Секстон, но родители ответили с хорошо знакомым Эмме сдержанным раздражением, что есть много других хороших колледжей. В любом случае, это будет еще не скоро, и неизвестно, сохранится ли Секстонский колледж в прежнем виде.

Ее отец сделал звук радио тише, и Эмма только обрадовалась этому. Она вообще не понимала бейсбол; скуотища какая-то. Девочка прикоснулась к зеленому рукаву футболки Дэннер и снова спросила:

– Как ты умерла?

Дэннер повернулась к ней и покачала головой:

– Кто сказал, что я умерла? Откуда ты знаешь, что я не твой двойник из будущего или не твоя дочь, которая однажды у тебя будет?

– Ты – это не я, – ответила Эмма. У нее начала болеть голова, и она хотела поскорее вернуться домой.

– Твои родители тоже так думают. Они считают, что ты выдумала меня.

Ей померещилось или лицо Дэннер немного изменилось? Теперь она выглядела гораздо больше похожей на Эмму. На выросшую Эмму, которая была одета в футболку Секстонского колледжа. Ей не нравилось, когда Дэннер играла с ней в подобные игры.

– Я этого не делала.

– Ты уверена? – спросила Дэннер.

– Да, – ответила Эмма, – ты настоящая.

Для доказательства она протянула руку и снова прикоснулась к рукаву футболки.

– Значит, ты не можешь выдумать что-то и наделить это жизнью? – Дэннер стала щипать тонкую кожу на тыльной стороне запястья Эммы.

– Ай! – закричала девочка и убрала руку. – На чьей ты стороне, в конце концов? – раздраженно спросила она.

Дэннер рассмеялась особенным тихим смехом, похожим на кошачье фырканье.

– На твоей, – с лукавой улыбкой заверила она. Ее лицо приобрело прежний вид. – Я всегда на твоей стороне.

Глава 6

Тесс проработала до позднего вечера, чтобы закончить свой грот. Вокруг нее шипели лампы Колмана⁶. Ее пальцы горели от работы с цементом. В какой-то момент она всегда снимала толстые, неуклюжие резиновые перчатки, чтобы ощутить скульптурную форму, и каждый раз забывала о кислотных ожогах, к которым приводит такой контакт.

Этот грот – последнее дополнение к ее скульптурному саду, выполненному из армоцемента. Генри называет его «Островом доктора Моро»⁷; разумеется, он шутит, но она знает, что он считает ее художественное творение чудовищным, независимо от качества.

С другой стороны, Эмме всегда нравился скульптурный сад. Летом она проводила там часы и даже целые дни, играя и представляя, будто находится в собственной стране, которую она назвала Фризией. Она даже сочинила короткую песенку, нечто вроде национального гимна:

Все свободны во Фризии,
Львы, орлы и дронты,
Здесь мы носим, что хотим,

⁶ Лампа Колмана – светильник, выполненный в форме керосиновой лампы и работающий на пропане (*прим. пер.*).

⁷ «Остров доктора Моро» – роман Герберта Уэллса (*прим. пер.*).

Ходим плавать по ночам,
Все свободны во Фризии!

Скульптурный сад зародился восемь лет назад, начиная со скульптуры Генри и Тесс, установленной в центре давно заброшенного и заросшего цветника между домом и художественной студией Тесс. Она создала заготовку из арматуры и проволоочной сетки, а затем покрыла ее аккуратными слоями цементной лепнины.

Тесс назвала эту первую скульптуру «Свадебный танец». Они были изваяны в полный рост и изображены танцующими; его правая рука обнимает ее талию, ее правая сцеплена с его левой рукой. Ниже пояса их тела становились львиными, с грациозно приподнятыми хвостами. Их человеческие лица выглядели испуганными и даже немного потрясенными, как будто они впервые посмотрели вниз и увидели, что с ними случилось. Они понимали, что обратной дороги не будет. Они навсегда останутся в таком виде.

– Почему львы? – спросил Генри. – Предполагается, что львы символизируют силу, верно? Тогда почему мы выглядим такими испуганными?

– Львы – это убийцы, Генри.

Он побледнел и больше никогда не спрашивал об этой скульптуре.

После «Свадебного танца» появилась целая процессия дронтов, каждый из которых носил на шее табличку со сво-

им именем. Там были Вера, Надежда и Милосердие, Честь, Мудрость и Послушание. Бескрылые, давно вымершие птицы. Некоторые люди не могли оценить иронию. Генри считал ее слишком очевидной, но Тесс она казалась забавной и вполне уместной.

Следующим проектом был пруд для золотых рыбок из камня и цемента с центральным фонтаном в виде плюющей лягушки.

Это мет-а-морфо-оза, пупсик.

У восточной и западной стороны маленького пруда Тесс установила изогнутые скамьи в форме русалки и тритона с грубой цементной поверхностью, инкрустированной камнями и ракушками. Прикованные к земле, они с серьезным видом смотрят друг на друга над водой, где снуют золотые рыбки и плюется водой каменная лягушка.

За прудом маячат два изваяния сов пятифутовой высоты, обращенные друг к другу в угрожающих позах; крылья распахнуты, когтистые лапы подняты словно перед схваткой. *Кто?* – как будто спрашивают они, задавая безответный экзистенциальный вопрос, за который будут рвать перья и ломать клювы. – *Кто? Кто? Кто?*

В разных местах пробиваются цветы, посаженные матерью Генри много лет назад: наперстянка, мелисса и аризема укрываются в совиной тени, клематис обвивает скамью в форме тритона. Тесс проредила и передвинула цветочные насаждения. Она посадила в разных местах новые многолет-

ники, купленные на фермерском рынке, но без всякого плана и порядка.

На прошлой неделе на восточной окраине сада, граничившей с деревьями, которые означают начало леса, Тесс выкопала несколько кустов и принялась за строительство грота. Она соорудила арку из камня и цемента с мозаичными вставками битого стекла, крышек от пивных бутылок и другого мусора, – пружин, циферблатов, шайб и шестеренок от старого велосипеда, – дань памяти разбитым и забытым вещам, разобранным на части и никогда не собранным заново. А теперь в центральной нише грота, за рядом поминальных свечек в стеклянных банках, она поместила фотографию Сьюзи в прозрачной пластиковой коробке для защиты от стихий. «Великомученица Сердобольного Разоблачения».

Фотография была сделана за несколько недель до ее смерти. На ней Сьюзи сидит на стуле перед амбаром и строгаёт деревяшку, которой предстояло стать частью рога. Генри застиг ее врасплох со своим фотоаппаратом. На снимке Сьюзи почти испуганно поднимает взгляд, прядь светлых волос падает ей на глаза янтарного цвета с золотистыми крапинками. В ее лице застыл невысказанный вопрос: *кто идет?*

Это была любимая фотография Тесс, потому что здесь камера уловила ощущение уязвимости Сьюзи. Она одновременно поражена и поразительна. Этот снимок – единственная вещь, которую она сохранила после того лета.

Тесс лихорадочно стремилась закончить грот и уже неде-

лю проводила там каждую свободную минуту, смешивая цемент при свете фонарика в мятой ручной тележке. Отмачивая ноющие запястья в тазу с ледяной водой перед сном, чтобы они не слишком болели, когда она снова примется за работу поутру.

— К чему такая спешка? — спросил Генри, но как она могла объяснить ощущение жестокой необходимости? Неустанную потребность работать быстрее и сделать все как следует. А теперь, когда она узнала о смерти Спенсера и об открытке, которую нашли рядом с ним, то принялась за работу с еще большей одержимостью.

Тесс не верила никогда в знамения или проклятия. Но главное, она не верила в призраков.

И все же она не могла объяснить инцидент с бордовой краской, предшествовавший сооружению грота.

В прошлый вторник Тесс находилась в своей студии: в небольшом сарае, расположенном на восточном краю скульптурного сада, между ним и домом. За сараем на четверть мили простирался густой лес, выполнявший роль естественного барьера между двором и дорогой. Тесс работала над картиной (хотя и сомневалась, что когда-либо закончит ее) с изображением кустика душистого горошка в ржавой садовой лейке. Она выдавила немного бордовой краски из почти нового тюбика на толстое стекло, которым пользовалась вместо палитры, когда испытала уже знакомое ощущение, что за ней наблюдают. Теперь оно лишь усилилось и со-

проводилось звуками возни в кустах снаружи.

Тесс уронила тубик и поспешно вышла на улицу. Она немного забежала в лес, откуда, как ей казалось, доносился странный звук.

– Эй! – крикнула она. Там определенно кто-то был, кто-то бежал за деревьями.

– Это частная земля! – снова крикнула она. – Здесь запрещено ходить!

Тесс зигзагами побежала между деревьями, но не слышала никаких шагов, кроме собственных.

– У меня пистолет! – пригрозила она, хотя единственным оружием в доме был водяной пистолет Эммы.

Через каждые несколько шагов она останавливалась, задерживала дыхание и прислушивалась. Она услышала, как по дороге проехал автомобиль. Звук собственного сердцебиения отдавался в ушах, громкий, как клубная музыка. Ритмическая пульсация пронизывала ее с головы до ног, но ей вовсе не хотелось танцевать. Сгущались сумерки, и тени играли странные трюки в густом лесу. Все еще взвинченная, Тесс вернулась в студию, чтобы снова приступить к работе.

Но ей это не удалось.

Тубик с бордовой краской от Windsor & Newton, которым она пользовалась, куда-то пропал. Когда она услышала шум в лесу, то уронила его в тележку на колесиках, где хранила свои краски, прямо рядом со стеклянной палитрой. Она отодвинула тележку, опустилась на четвереньки и осмотрела

пол, но ничего не нашла.

В тот вечер она внушила себе, что, должно быть, держала тюбик в руке, когда побежала в лес, и потеряла его каким-то образом, не заметив этого. Она даже вернулась назад и попробовала пройти по собственным следам, высматривая краску среди травы, но тоже потерпела неудачу.

На следующий день, когда она вернулась в студию после ланча, то обнаружила тюбик с бордовой краской возле своего мольберта, выжатый почти досуха.

– Что за черт? – пробормотала она и протянула к краске слегка дрожавшую руку.

Эмма была на улице и играла в саду. Тесс слышала, как она с кем-то разговаривает (с Дэннер? С цементными совами?) и восклицает: «Готовьте армию! Произошло вторжение во Фризию!»

Вот так. Тесс едва подавила желание распахнуть дверь студии и крикнуть дочери, чтобы она побыстрее пришла к ней, потому что на улице небезопасно.

Но было очевидно, что и студия перестала быть надежным местом. Там негде было спрятаться от кого-то или чего-то, следившего за ними.

«Это игра воображения, – думала Тесс. – Паранойя-разрушительница».

Но как насчет краски?

Именно в тот момент, когда Тесс сжимала в руке почти пустой тюбик с краской, а ее дочь снаружи сражалась с во-

ображаемыми врагами деревянным прутиком, Тесс посетила мысль о создании грота. Это было ясное видение, готовое решение.

А потом... что? Может быть, ощущение слежки куда-то уйдет? Может быть, больше не будет этих фокусов: странных звуков в лесу, пропавших тюбиков с краской? Неужели она вот так просто сможет защитить свою дочь?

Если она назовет призрак по имени, построит алтарь для нее и встретится с ней на манер, близкий к идолопоклонству, то, может быть, ее оставят в покое?

Это было бы безумным и суеверным поступком. Может быть, даже немного опасным. Разве они не обещали больше никогда не говорить о Сюзи или о том лете? Разве они не заключили договор, от которого зависела их жизнь? Тем не менее сейчас, неделю спустя, она поставила фотографию Сюзи в центральной нише своего алтаря. Выставила напоказ единственную улику, которая у нее осталась.

Как она сможет объяснить это Генри? Это она считалась скептической особой, уравновешенной взрослой женщиной, которая всегда смеялась над призраками, проклятиями и прочими страшилками.

– Это всего лишь произведение искусства, – сказала она мужу, когда он вернулся из супермаркета и придушенно ахнул при виде фотографии Сюзи. Ну конечно, подумала она, она помнит, каково находиться под управлением вдохновенной музыки и при этом чувствовать, будто не имеешь к этому

никакого отношения.

– Фотокарточку нужно убрать, – сказал он. – Это улика.

– Это моментальный снимок, Генри. Снимок не может доказать ничего, кроме сентиментальных чувств.

– Так вот что это такое? – спросил Генри. – Сентиментальные чувства?

Тесс покачала головой:

– Я не обязана объяснять свое творчество. По крайней мере, тебе.

Тесс была в ярости. Она злилась на себя за то, что не могла объяснить истинной причины сооружения грота, злилась на Генри за то, что он оказался таким тупицей, хотя и понимала, что он просто старался защитить ее и свою семью.

Вот ведь ирония судьбы. Она тоже хотела сделать именно это.

Глава 7

Поздней весной, через несколько дней после того, как Генри перебрался жить в амбар, огромная канадская сосна рухнула во дворе после грозы, промахнувшись мимо дома лишь на несколько футов.

Сам Генри еще мальчиком построил древесный домик между этой сосной и двумя менее высокими деревьями. Он воображал себя капитаном пиратского корабля и часами плавал по морям с подозрной трубой и криками «Эй, на палубе!» и «Право руля!». Он заставлял ходить по доске бесчисленных пиратов, предателей и прочих недоброжелателей.

Сто двенадцать лет. Генри посчитал годовые кольца. Белая канадская сосна пережила сто двенадцать весен и осеней. Были засухи, наводнения и жуткие метели, от которых ее ветви ломались и изгибались под собственным весом. Фермерский дом был построен в 1906 году, а дерево было еще старше. Оно видело строительство дома и наблюдало за течением жизни внутри его. Генри представлял связи этого дерева с теми, что стояли рядом с ним и были срублены при расчистке участка. Древесина пошла на строительство дома и амбара. Балки вытесывались вручную. А маленькое дерево наблюдало за людскими трудами на земле. Люди сажали злаки, выращивали лошадей, разводили сады. Бесчисленные деревья погибли, но это продолжало расти и процветать.

Тесс, Генри и Эмма стояли перед упавшим деревом после грозы.

– Нас могло раздавить заживо, – сказала Эмма, чье лицо исказилось от беспокойства, пока она переводила взгляд с одного дерева на другое, словно оценивая, какое из них может рухнуть в следующий раз.

Тесс обняла Эмму и поцеловала ее в макушку.

– Нет, милая. Нам ничего не угрожало.

– Это верно, – согласился Генри. – Дом старый, но прочный. Он построен как крепость.

Он прикинул расстояние от дерева до дома и крыши над спальней Эммы и вознес безмолвную молитву.

– Может быть, это знамение, – сказала Эмма.

Генри пожевал щеку изнутри. Тесс кивнула с легкой улыбкой.

– Думаю, да, Эмма. Я правда так думаю. Похоже, твоему отцу снова пора заняться творческой работой.

– Творческой работой? – спросил Генри, постукивая по массивному стволу носком ботинка.

– Скульптурой. Только посмотри, какой размер у этой штуки, и представь, что ты сможешь сделать!

Она была почти в восторге, и на один краткий миг он разделяет ее настроение и представляет разные возможности. Он наклонился, чтобы прикоснуться к стволу, и подумал, что дерево заговорит с ним, как случалось в былые дни.

После колледжа он не брал в руки инструменты, – вер-

нее, после того лета вместе с «Сердобольными Разоблачителями», – и ему было известно, что Тесс разочаровалась в нем. Она годами упрасивала его заняться резьбой по дереву на любые темы. Несколько лет назад она купила ему набор для изготовления утиной приманки, включавший деревянную плашку, основные инструменты, набор красок и буклет с инструкциями. В результате должен был получиться раскрашенный деревянный селезень, который, по словам Тесс, отлично смотрелся бы на каминной полке.

Подарок был жалкой подачкой; это было все равно что подарить Пикассо альбом с раскрасками для детей. Еще один пример того, что Тесс совсем не понимала его. Если бы она довольствовалась картинками для пожилых туристов, приезжавших в Вермонт на автобусах и носивших сандалии с носками, то тем лучше для нее. Но он не собирался идти этим путем.

Так и не раскрытый набор отправился на полку в его мастерской. Очередной проект, который – они оба это понимали – отправится на ежегодную дворовую распродажу Тесс с табличкой «Совершенно новый! Даже не распечатанный!».

Несмотря на их, казалось бы, обреченный брак, этот подарок сильно уязвил его. Все же он был скульптором и *художником*, а не подрядчиком по окраске домов. Эта надежда вернулась к нему тогда, когда он стоял над рухнувшим деревом, по чудесной случайности упавшим в нескольких футах от его дома. Если бы он мог вернуться к тому Генри, которым

он был когда-то, то Тесс предложила бы ему снова сойтись. И, наверное, он бы вернулся домой, снова стал играть роль защитника, чье присутствие уберегает от падения деревьев и любых других природных катастроф.

Это папино волшебство. Он заставляет все плохое уходить прочь.

Возможно, как сказала Эмма, это и впрямь было знамение.

Поэтому он неохотно пригласил ребят, работавших на него в красильной компании, чтобы они помогли оттащить пятнадцатифутовый отрезок толстого ствола в необжитую часть амбара, которую он превратил в мастерскую, где обрубок каждую ночь ожидал его прихода.

Генри начал с окорки. Он подсовывал лезвие топора под свободный край коры и тянул его на себя. Кора сходила липкими слоями, как омертвевшая кожа с солнечного ожога. Потом он нашел свои давно заброшенные инструменты для работы по дереву и принялся за дело. Или, по крайней мере, попробовал.

В первые несколько дней он расхаживал вокруг огромного дерева в ожидании вдохновения. Он рассматривал ствол под разными углами. Он думал о том, каким бледным и голым оно будет выглядеть без темной и грубой коры. Он лежал рядом с ним, садился на него, проводил руками по его поверхности и однажды нашел глубоко заросший ноготь, который он оставил в дереве десятилетия назад, пока строил

древесный домик.

Эмма приходила в амбар посмотреть на великого скульптора за работой.

– Это все еще похоже на ствол дерева, папа, – говорила она и шурилась, словно что-то упустила.

– Такие вещи требуют времени, – отвечал он. – Здесь нельзя торопиться. Древесная структура направляет резец скульптора. Только дерево знает, чем оно хочет стать.

– Значит, ты ждешь, когда дерево заговорит с тобой? – поинтересовалась она.

– Точно, – кивнул Генри.

Эмма покачала головой.

– Тогда удачи тебе, – сказала она и вышла из амбара.

Спотыкаясь, Генри вышел из мастерской на рассвете и пошел на кухню в главном доме за кофе и завтраком вместе с Тесс и Эммой; подобие нормального положения вещей, к которому он уже успел привыкнуть, но находил довольно жалким. Он может изображать что угодно, но в конце концов все равно уйдет в амбар, чтобы побриться, принять душ и одеться как следует. Это неизбежно повторялось каждое утро. Тесс смотрела на него над кружкой с горячим французским кофе и спрашивала, как продвигается работа над скульптурой.

– Все отлично, – говорил он.

– Значит, дерево заговорило? – спросила Эмма однажды утром.

– Оно все время болтает, – ответил Генри. – Я и слова не могу вставить.

– Можно я приду посмотреть?

– Подожди немножко, ладно? До тех пор, пока я не договорюсь окончательно. Потом вы с мамой сможете прийти и посмотреть.

Он мухлевал и хорошо понимал это. Жалкий позер. Он никогда не был настоящим художником. Настоящие художники не бросают работу.

Каждый вечер в амбаре он привык открывать бутылку вина. Он настраивал приемник на станцию с классическим рок-н-роллом и пил мерло из кофейной кружки, пока размышлял о дереве. Огромный кит, выброшенный на берег. Он помнил скульптуры, которые делал в колледже, грубые формы, вырезанные из древесных стволов, – люди, волки, медведи и рыбы, – ни разу не законченные таким образом, чтобы вы забыли об исходном материале. Он хотел, чтобы дух дерева сиял изнутри.

Дерево направляет выбор формы.

Только дерево знает, чем оно хочет стать.

Генри верил этому, когда учился в колледже, верил наивному представлению об эфирных сообщениях, которые он мог улавливать, когда орудовал киянкой и стамесками.

– Иногда мне кажется, что мы – всего лишь проводники, – однажды давно сказала ему Тесс, когда она сидела в своей студии в Секстоне. – Что наше искусство на самом деле не

исходит от нас. Понимаешь, что я имею в виду?

Она сидела на полу со скрещенными ногами, баюкая в руках чашку кофе. Миниатюрная девушка с ладной фигурой, которая как будто вообще не занимала места, но говорила с такой свирепой настойчивостью в глазах, словно была великаншей.

Генри кивнул. Да. Он всегда так думал. Он представлял собой лишь пару рабочих рук, а кто-то или *что-то* еще занималось настоящей работой.

Тесс носила джинсовый костюм, заляпанный краской, и черный шерстяной кардиган с массивными деревянными пуговицами. Ее каштановые волосы были собраны в небрежный узел и заколоты карандашом.

Здание художественной студии находилось рядом со зданием скульптурной студии и было соединено с ним трубообразным подвесным коридором. Считалось, что после десяти вечера они должны быть пустыми и запертыми, но время от времени они делились пивом с охранником по имени Дуэйн, и он разрешал им оставаться сколько угодно.

В художественной студии имелась маленькая кухня, и Тесс заваривала турецкий кофе в бронзовой кастрюльке. Она наполняла термос и приносила горячий, густой, сладкий кофе по коридору до скульптурной студии, где кричала «Перерыв!». Иногда Генри был так увлечен, что не мог оторваться от работы, и Тесс сидела, прихлебывая кофе и наблюдая за ним.

– Когда я смотрю, как ты занимаешься, то чувствую, что нас здесь трое: ты, я и твоя работа, – сказала она над исходящим паром кружкой. – Ты оживляешь дерево, Генри. Вот что я люблю в твоём деле.

Иногда она сразу приходила к нему и ласкала дерево, проводя пальцами по резким угловатым контурам волков, медведей и стариков. В такие моменты он испытывал странное ощущение, что скульптуры были для нее реальнее, чем он сам.

Тесс начала говорить о северном конце амбара как о его художественной студии. *Собираешься вечером в свою студию, Генри? Или: Как обстоят дела с освещением в твоей студии?*

Даже Эмма присоединилась к ней:

– Когда я смогу увидеть тебя в твоей студии? Я хочу посмотреть, смогу ли я услышать дерево.

– Скоро, – обещал он. – Уже скоро.

Генри купил еще один ящик вина. Он заточил стамески, ножи и долото. Он ходил вокруг дерева и ждал, когда оно заговорит с ним. По радио «Роллинг Стоунз» пели о том, что он не получит удовлетворения, а «Аэросмит» советовал ему продолжать мечтания. Тесс и Эмма не показывались у двери, настроенные на результат.

И однажды, как-то ночью, решение пришло к нему. Это было скорее не вдохновение, а прилив отчаяния. Он должен

что-то сделать. Что угодно. Поэтому он взял топорик и начал утомительный процесс обстругивания одного конца бревна, подобно затачиванию огромного карандаша. Он проработал четыре дня, а потом увидел, что это такое. Каноэ. Он соби-
рался изготовить каноэ! Он улыбался, думая о том, как будут довольны Эмма и Тесс, когда увидят, как он выводит свое искусство на этот новый и практичный уровень. Он делал вещь, куда они поместятся втроем и смогут плавать по воде. Если будет наводнение, они окажутся в безопасности. У них будет каноэ Генри, его личный ковчег от «Дефорж».

Он был так рад, что исполнил маленький индейский танец вокруг бревна с кружкой вина в одной руке и топориком в другой, проливая вино на пол и пятная подол своей старой рабочей униформы.

– Каноэ? – Тесс нахмурилась и поджала губы. Ее вздох вырвался наружу с долгим, разочарованным присвистом. Она представляла животное или человека, чье лицо она могла бы ласкать. Но это был повзрослевший Генри, владелец собственного бизнеса, самостоятельный человек. Практичный Генри с крошечными морщинками в уголках глаз.

– Что ты собираешься с ним делать? – спросила она.

– Посмотрю, может ли оно держаться на плаву. Может быть, научу Эмму грести.

Эмма пританцовывала вокруг каноэ.

– Это так здорово, папа! – сказала она. – А весла ты тоже сделаешь?

– Конечно, милая.

– Но ведь ты боишься воды, Генри, – сказала Тесс.

Здесь она уела его. Практичный Генри не нашелся с ответом.

Но он каждый вечер продолжал сновать между мастерской и крошечной кухней, включая радио, наливая вино и работая над огромным бревном. Он воспользовался цепной пилой для нанесения перекрещивающегося узора на бортах, потом поработал топором, скобелем и стамесками для выстугивания мелких частей, формируя внутреннюю полость. Он занимался этим около года, и работа близилась к завершению. Каноэ было выдолблено, борта и оконечности готовы. Он лишь наносил финальные штрихи, сглаживал последние шероховатости.

Это каноэ было достаточно вместительным для трех или четырех человек. В иные ночи после окончания работы он вытягивался внутри и уютно устраивался между закругленными бортами. Он уже не раз спал там, просыпаясь спустя несколько часов и ковыляя в кровать на другом конце амбара.

То же самое произошло сегодня ночью. Он проснулся и посмотрел на часы. Уже почти час ночи. Генри подошел к окну и увидел, что Тесс все еще работает над своим гротом; всего лишь силуэт в свете лампы.

Такая одержимость была не похожа на Тесс. Но с другой стороны, у нее ведь никогда не было подобного проекта?

За десять лет она не более десяти раз упоминала имя Сюзи. А теперь вдруг с головой ушла в работу.

Генри опасался, что кто-то увидит грот. Если это будет частный сыщик, нанятый отцом Спенсера, то грот может оказаться уликой. Люди не устраивают святилища в честь живых, не так ли? Разумеется, Тесс понимает это. Он устал говорить с ней об этом еще вечером, когда вернулся из магазина.

– Думаешь, это хорошая затея? Я имею в виду фотографию Сюзи в твоём гроте. Это как красная тряпка для быка, верно?

– Ты не понимаешь, – сказала она.

– Чего я не понимаю, Тесс? Господи, это же почти письменное признание! И как ты полагаешь, что подумает Эмма?

– Эмма думает, что это дань памяти моей подруге, смастерившей лося, который ей так нравится.

Генри покачал головой:

– Нужно убрать отсюда фотографию Сюзи, Тесс. Сыщик может появиться в любое время...

– Я не объясняла тебе, как ты должен вырезать это дурацкое каноэ. И как ты полагаешь, что Эмма думает о нём? Что она подумает, когда узнает, что это каноэ никогда не окажется рядом с водой, а останется собирать пыль в амбаре?

Генри повернулся и ушел.

Теперь, когда он смотрел на нее в окно, то вспомнил двадцатилетнюю Тесс, сидевшую со скрещенными ногами

на горке деревянных стружек на полу скульптурной студии. Сладковатый, землистый аромат темного кофе с корицей и струйки пара вокруг нее.

«Иногда мне кажется, что мы – лишь проводники».

Вот дерьмо.

Если Тесс не избавится от фотокарточки, то ему придется сделать это. Он был уверен, что она воспримет это как враждебное действие, а не попытку защитить семью. Ну почему каждый раз, когда он старался поступить по справедливости, то оказывался злодеем?

Генри оторвал взгляд от созерцания Тесс в ее гроте и посмотрел на свой бессмысленный проект, залитый светом галогенных ламп. Он не разрешал себе думать о том, что будет делать, когда все закончится. Он не хотел признавать правоту Тесс: сухопутное каноэ навсегда останется в его мастерской как напоминание о тщете его надежд и неспособности защитить жену и дочь. Лодка будет дразнить и искушать его, нашептывать его глубинные желания, совпадающие с его величайшими страхами.

«Вода, – будет нашептывать она своим деревянистым, смолистым, глубоким голосом, – мне нужна вода».

Часть 2. Мы боремся с технологией, иерархией, законами и правилами и со всеми формами правления

Глава 8

Поездка от Олдена до офиса Генри занимает сорок минут. Путь начинается с шоссе № 2, ведущего на восток, в сторону Мэна, и совершает изгибы и крутые повороты. Потом проезжаешь мимо Секстонского колледжа и через десять миль поворачиваешь на Кертис-роуд. Асфальтовое покрытие быстро заканчивается, леса становятся гуще, дома попадаются реже, а потом пропадают и дорожные знаки. Если знаешь дорогу и можешь пробраться по лабиринту одинаковых на вид развилок и перекрестков, то в конце концов между красными соснами открывается узкая грунтовая дорога, которая ведет вверх по склону к хижине. Генри не был здесь после рождения Эммы, но путь казался ему до боли знакомым, как будто он побывал здесь вчера. Он моргнул и обвел взглядом салон «Блейзера», напоминая себе, что это не дребезжащий оранжевый «Додж», который он водил в колледже. Сюзи назы-

вала его «Машиной Любви».

Иногда он думал, как странно, что все эти годы хижина находилась всего лишь в часе езды от его дома. Так близко и одновременно на другом краю света. Они даже не ездили в эту сторону. Когда Генри, Тесс и Эмма отправлялись в Мэн для летнего отдыха, они делали крюк по шоссе между штатами и утверждали, что так можно быстрее добраться до пляжей и лобстеров. Олден был большой черной дырой на карте, опасной зоной, которую следовало избегать любой ценой.

– Только подумай, чего мы могли бы достичь, – ни учебы, ни работы, ни даже проклятого телефона, – сказала Сьюзи, осматривая хижину широко распахнутыми глазами. – Мы могли бы всецело посвятить себя делу. Есть, спать и разоблачать.

Оставалось меньше недели до окончания колледжа, и Уинни показывала им охотничий лагерь, построенный ее дедом в начале 1960-х годов. Они оставили автомобиль Генри у начала подъездной дороги и пешком поднялись на холм, потные и запыхавшиеся, но в приподнятом настроении.

– Мой дед – единоличным владельцем этого места, – объяснила Уинни. – Сорок акров земли. Он перестал приезжать сюда из-за артрита, и здесь уже несколько лет никого не было.

Хижина была расположена лишь в двадцати минутах езды от Секстона и находилась в превосходном состоянии. Ген-

ри, который начал помогать отцу на работе с раннего подросткового возраста, привык оценивать состояние зданий, – степень гниения, структурную целостность, – и был рад видеть, что старый фундамент отлично выдерживает вес хижин. Он лег на живот и скользнул под дом: бетонные блоки стояли ровно и не раскрошились, несмотря на годы замораживания и размораживания. Дед Уинни понимал важность хорошего фундамента и глубоко закопал их.

– Дом в прекрасной форме! – крикнул он остальным и ужом выполз наружу, стряхивая с волос пыльную паутину. – Половицы немного прогнулись, и не помешало бы снова покрасить стены, но в целом все замечательно.

Сьюзи распахнула входную дверь и танцующей походкой вошла внутрь.

– Наша студия будет прямо здесь, перед окном. А мы с Уинни будем спать рядом с кухней. Отгородим спальное место ширмой, повесим портьеру или вроде того, на манер хиппи. Генри и Тесс могут поселиться в мансарде, – речь Сьюзи была быстрой и возбужденной, рукава ее блузы порхали, как крылья. Пыль, освещенная солнцем из-за окна, кружилась вокруг нее, как будто она имела собственное силовое поле. – Нужно достать лагерьную плитку, – ту, что работает на пропане. Мы привезем с собой спальные, одежду, творческие принадлежности и керосиновые лампы. На самом деле, нам мало что нужно.

– Нам придется возить питьевую воду из города, – сказал

Генри.

– Не такое уж великое дело, – отозвалась Сюзи. – Мы привезем несколько канистр и будем каждую неделю мотаться в Секстон, если не найдем чего поближе. Черт, мы можем брать воду из чужих водокачек по ночам! Свободу воде!

– Как насчет мытья? – спросила Тесс.

– Позади есть чудесный флигелек, – сказала Уинни. – Только надо беречься от дикобразов.

– Ох! – произнес Генри.

Тесс передернула плечами.

– И ведь мы сможем купаться на озере! – воскликнула Сюзи. – О, Уинни, разве это не прекрасно!

Она порывисто обняла Уинни и поцеловала ее в щеку.

– Ну, что ты думаешь? – спросил Генри у Тесс. Она была единственной из них, кто подал заявление на магистратуру, и ее приняли в Род-Айлендскую школу дизайна. После получения степени она собиралась переехать в Провиденс. Тесс закусил губу, оглядела хижину и повернулась к Генри.

– К черту магистратуру, – только и сказала она.

Сюзи одобрительно заулюлюкала.

– Разоблачение – свобода!

Теперь, когда Генри проехал последний поворот мимо сосновой рощи, с прямыми и высокими деревьями, похожими на телеграфные столбы, он приблизился к старой лесовозной дороге, которая тянулась примерно милю до холма и

хижины. Он замедлил ход и включил поворотный сигнал.

Действительно ли он снова хочет увидеть это?

Хижину, где во время их последнего визита у Тесс отошли воды.

Где они нашли лягушек.

Он принялся еще сильнее жевать щеку. В его душу стал вползать ужас, такой же густой и зеленоватый, как жидкость в аквариуме сдохлыми лягушками.

Генри подумал о грязных делах. О записке с требованием выкупа и стуле, обмотанном веревками. О вещах Сюзи. Так много ее вещей еще валялось в хижине. Улики. Что, если они до сих пор там? И что, если частный сыщик начнет повсюду совать свой нос и найдет хижину?

Кто-то должен проверить и разобраться. Он обещал Тесс, что сам займется этим.

Храбрец Генри. Человек, который отгоняет дурные вещи.

– Завтра, – пробормотал он, и его руки немного задрожали, когда он отключил сигнал поворота и вырулил на дорогу, куда даже не хотел смотреть. – Я вернусь завтра, – прошептал он, а потом включил радио на полную мощность, потому что не хотел слышать собственные мысли.

Глава 9

Не исчезай из виду. Оставайся там, где я могу видеть тебя.
Видеть тебя. Видеть тебя.

Видеть кого?

Она скрылась из виду, но слух у Эммы чуткий, как у кролика, поэтому она сразу же услышала голос матери, зовущей ее по имени. Ее мать в садовых перчатках с узором из алых цветов ухаживала за растениями, названия которых Эмма никак не могла запомнить. Она побежала, когда мама позвала ее; у нее быстрые ноги, и скоро она уже оказалась на месте.

На самом деле, это глупо. Эмма достаточно взрослая, чтобы одной ходить по лесу. Что-то случилось с ее родителями за последние несколько дней. Они стали слишком нервными и чрезмерно заботливыми.

Сегодня ее мама сказала, что она не может прокатиться на велосипеде в универмаг «Додж» и купить мороженое.

– Я отвезу тебя, – сказала она.

– Но я всегда езжу на велосипеде! Десять минут туда, десять обратно.

– Только не сегодня, – сказала мама, словно где-то поблизости находился беглый преступник.

А ее отец, который всегда был немного сдвинутым из-за бассейна, сочинил историю, будто она не может купаться, потому что химикаты плохо растворились в воде.

– Мне нужно как следует перемешать воду, – сказал он.

– Но завтра же можно?

Он покачал головой:

– На это может понадобиться несколько дней. Там посмотрим.

Теперь она должна была оставаться в саду, да еще так, чтобы мама могла видеть ее. Но мама была занята с новой цветочной клумбой. Она сажала растения вокруг своего нового грота.

– Кто это? – спросила Эмма, когда увидела фотографию девушки со светлыми волосами и ножом в руке, которую ее мама поставила на маленькую полку в гроте. Это была та же самая девушка, которая показывала фотографу средний палец на снимке, обнаруженном в отцовской коробке для инструментов.

– Это Сюзи, – ответила мама. – Та самая, которая нарисовала Фрэнсиса.

– Где она теперь? – спросила Эмма.

Глаза ее матери подернулись дымкой; ее взгляд стал отстраненным, как будто она смотрела куда-то вдаль.

– Думаю, на западе. Куда-то в Калифорнию, насколько мне известно, она уехала. Но это было давным-давно.

Эмма все дальше уходила в лес по направлению к дороге. И чем ближе она становилась к шоссе № 2, тем гуще был лес. Вдоль дороги, на самой опушке, он становился почти непро-

ходимым. Выющиеся растения оплетали деревья толстым покрывалом. Эмме нравятся плети дикого огурца, и она называет их плоды «яйцами дикобраза». Они овальные, колючие, волокнистые и сетчатые внутри, почти как мочалка. Ее мама говорит, что они принадлежат к семейству тыквенных. Отец называет их кактусовыми шариками. Мэл называет их *инопланетными тестикулами*, но это очень грубо. Как ни называй, плоды прикольные и почти самые любимые растения Эммы, не считая росянки.

Эмма еще не приблизилась к дороге, хотя она уже слышала шум проезжающих грузовиков и автомобилей, подскакивающих на ямах и буграх, еще не отремонтированных дорожными рабочими.

Среди палой листвы виднелся круг мухоморов, который, по словам Мэл, волшебное место, где собираются феи. Эмма не верит в волшебный народец, но, с другой стороны, она бы не поверила и в Дэннер, если бы не видела ее собственными глазами. Если однажды увидеть фею, это будет уже другая история.

Увидеть – значит поверить.

Эмма пересчитала мухоморы (семь штук, и хотя невежды считают это число счастливым, это решительно не так) и тыкнула в самый большой тонкой палкой. Из-под пластинок вылетели ядовитые черные споры. У рыб есть плавники и у грибов тоже. Она подумала, что грибам приходится дышать, как обычным людям, и это как-то успокаивающе подейство-

вало на нее.

В тот самый момент, когда она хотела услышать подтверждение своих мыслей, то услышала свое имя, но это была не ее мама. Нет, это был голос с другой стороны, из лесной чащи.

Дэннер.

У Дэннер своя магия. Стоит лишь подумать о ней, как она появляется.

Эмма побежала на звук голоса туда, где деревья росли особенно густо и загораживали свет.

– Где ты? – прошептала она, опасаясь, что ее мать может услышать.

На дороге раздался автомобильный гудок.

– Сюда, – сказала Дэннер. Она была где-то рядом и, наверное, играла с ней в прятки. Иногда Дэннер вообще не показывалась, ее можно было только услышать.

Эмма на цыпочках стала пробираться между деревьями, стараясь не шуметь. Она хотела застать Дэннер врасплох. Потом она замерла и прислушалась, но до нее донеслись лишь звуки автомобилей, проезжающих по шоссе за деревьями. Далеких сверчков. Птичий щебет. Эмма медленно и осторожно продолжила продвигаться вперед, а потом обернулась.

Вот оно: слова, которые они с Мэл нарисовали на стволах деревьев. Красные буквы на гладких, серых буковых стволах.

По одному слову на ствол, поперек и вниз, заглавными

буквами, – сообщение, которое должно было стать следующим шагом к воссоединению ее родителей.

Конечно, идея принадлежала Мэл. На следующий день после того, как они с Эммой разослали открытки, они бродили по лесу неподалеку от студии ее матери, заглядывали в окна и пытались застать ее за каким-нибудь интересным занятием. Но она всего лишь рисовала цветы, что, по словам Мэл, было *скучно и банально*, вовсе не похоже на революционную художницу, о которой они читали в дневнике Сьюзи.

– Неудивительно, что твой отец ушел из дома, – прошептала Мэл, когда они выбрались наружу. Эмма с досады толкнула ее в бок, та зацепилась за корень и шумно рухнула в молодые кленовые заросли.

– Кто там? – позвала ее мать из студии.

Мэл выпрямилась и прошипела:

– Беги!

Эмма бежала всю дорогу от студии до шоссе, а ее мать выкрикивала угрозы насчет оружия и посягательства на чужую собственность. Но Эмма не знала, что Мэл тайком вернулась обратно и проникла в студию. Позже, когда они встретились у бассейна, Мэл достала из кармана тубик с краской и сказала:

– У меня есть план. Мы возьмем эту краску, и...

– Он не сам ушел из дома, – неожиданно сказала Эмма.

– Что? – Мэл не любила, когда ее перебивали.

– Мой отец. Мама попросила его уйти.

Мэл сунула тюрбик в карман и пожала плечами:

– Как угодно. Так ты хочешь узнать о втором этапе операции «Воссоединение» или нет?

– У меня есть загадка для тебя, – сказала Дэннер. Она прислонилась к дереву, на котором жирными буквами было выведено последнее слово. Сегодня она была одета в джинсы и футболку, но сверху накинула красный халат, который Эмма получила на Рождество.

– Хорошо, – сказала Эмма.

– Что такое «темное, но сделано из света»?

Эмма задумалась. Дэннер побарабанила пальцами по стволу дерева, все быстрее и быстрее; тем самым показывая, что время уходит. Она никогда не давала Эмме достаточно времени для ответа.

– Тень, – с улыбкой сказала она. Дэннер любит загадки.

– Мне нужно вернуться, – сказала Эмма. – Я должна оставаться рядом с домом, чтобы слышать маму, если она позовет.

Дэннер цокнула языком.

– Пустая трата времени, – заявила она и отступила в сторону, чтобы посмотреть на дерево.

– Но мне понравилась загадка, – возразила Эмма.

– Дело не в этом. Я говорю про надписи на деревьях. Думаешь, твои родители когда-нибудь придут сюда? Они уже видели?

– Нет, – призналась Эмма.

– А если и увидят, то несколько слов на деревьях ничего не изменят. Ты считаешь эти слова важными, потому что нашла их в дневнике, но ты даже не понимаешь, что они значат на самом деле.

Дэннер раскинула руки, и халат распахнулся, как крылья. Казалось, будто она вот-вот взлетит.

– Родители скажут мне. Я найду способ привести их сюда, а потом они все объяснят.

Дэннер фыркнула.

– Чего ты хочешь добиться, Эмма? Генри и Тесс ничего тебе не скажут. Если ты хочешь что-то узнать, тебе нужно додуматься самой.

– Но как же я это сделаю? – поинтересовалась Эмма.

– Расслабься, – с улыбкой ответила Дэннер. – Для этого у тебя есть я.

Глава 10

– Ты опоздал, – заявила Тесс, когда он появился в дверях.

Проклятье. Он совсем забыл о ее визите в художественную галерею и о своем обещании вернуться пораньше, чтобы присмотреть за Эммой.

Раньше Генри проводил много времени в галереях вместе с Тесс, попивая дрянное вино из пакетов и улыбаясь на торжественных открытиях и раутах, как подобает хорошему мужу. Он терпеливо кивал, когда какая-нибудь особа с придыханием говорила ему: «Вы ведь тоже были скульптором, не так ли? Тесс говорит, что у вас *потрясающие* работы!»

Генри не выносил этих претенциозных любительниц прекрасного с их развевающимися одеждами из натурального хлопка и льна, ожерельями и браслетами с громоздкими бусинами и надписями на санскрите. Предметы искусства, которые они создают и продают, ни на что не годны. Всегда одно и то же. Водянистые акварели. Вымученные фотографии природы. Маленькие глиняные сосуды, символизирующие рождение «внутреннего божества». К чему стараться, если собираешься делать всякую дрянь?

– Я застрял в офисе, – сказал Генри, кусая щеку изнутри.

В его кармане пачка сигарет, купленная в «Додже» (он не курил с колледжа), и загадочное послание, которое он только что обнаружил, когда остановился у почтового ящика. Оно

лежало на кучке счетов и рекламных буклетов, запечатанное в простом белом конверте с его именем, но без фамилии и адреса. Когда он вскрыл конверт, то обнаружил листок обычной бумаги для записей с аккуратно выведенным телефонным номером. Судя по всему, это был номер мобильного телефона, но не знакомый ему. Больше в конверте ничего не было.

– Я звонила в офис, и мне сказали, что ты ушел два часа назад. Я пыталась дозвониться тебе по мобильному, но ты не отвечал, – Тесс посмотрела на него и стала ждать объяснений, но он лишь молча продолжил стоять, а потом достал пузырек с аспирином и положил в рот три таблетки.

– Извини, – сказал он, пережевывая горькие таблетки.

Генри не мог сказать ей, куда ездил. Что он даже не смог заставить себя подняться по дорожке и заглянуть в старую хижину.

– Мне пора идти, – сказала Тесс и закинула на плечо большую кожаную сумочку. – Эмма в бассейне.

В бассейне.

Слова похожи на пузырьки звука, достигающие его слуха.

– Ей нельзя плавать, когда за ней никто не следит, – зло ответил Генри и быстро пошел через кухню, чтобы проверить Эмму. Как могла Тесс быть такой небрежной?

Он выбежал через раздвижную стеклянную дверь и поспешил во внутренний двор к бассейну, где увидел Эмму, которая пробовала плавать баттерфляем. Ее руки описывали

круги, лицо погружалось в воду и выныривало обратно.

Отлично. С ней все в порядке... пока в порядке.

Купальник Эммы с широким треугольным вырезом на спине между лопатками. Мышцы верхней части спины и плечевого пояса гладко переливаются под водой. Эмма уже сильная, как и ее мать. Она доплыла до глубокого края и остановилась, широко улыбнувшись ему.

Генри слышал звук двигателя «Вольво», отъезжающего от дома.

– Мама сказала, что все в порядке, – сообщила Эмма, барахтаясь в воде. – Я имею в виду химикаты. Она сказала, что когда перемешаешь воду, то они оседают за ночь.

Генри кивнул и глубоко вздохнул.

– У тебя хорошо получается, – сказал он.

– Не уверена, что я правильно работаю ногами, – ответила девочка и оттолкнулась от бортика для следующего захода.

Генри смотрел, как плавает Эмма, пока ему не стало совсем невмоготу, тогда он сказал дочери вылезти из бассейна, потому что приближается гроза.

– Над нами голубое небо! – запротестовала Эмма. Генри в ответ указал на небольшие темные облака на западном горизонте.

– Они движутся сюда, – соврал он. Ложь застряла у него в горле, и он снова представил, как его легкие наполнились водой и он стал опускаться на дно бассейна, пытаясь спасти Эмму. Генри на минуту задумался, каково это: остаться без

воздуха. Он вообразил, что мог бы увидеть, если бы смотрел на небо через толщу воды, погружаясь все дальше и дальше.

Эмма с жалобами вылезла из воды. Она вытерлась полотенцем и ушла к себе, чтобы переодеться.

Генри приготовил куриные кебабы на гриле: кусочки куриного филе, красного перца и ананасов под густым кисло-сладким соусом. Он подал их с рисом быстрого приготовления и немного успокоился.

Он прикоснулся к сложенной бумажке в кармане брюк и решил, что можно будет позвонить после того, как они поедят. Потом встряхнул пузырек с аспирином.

Эмма села за стол в футболке с изображением морского конька, усыпанного блестками. Ее влажные волосы были небрежно уложены в конский хвост.

– Папа! – почти в истерике воскликнула она. – Ты забыл обслужить Дэннер!

Генри прикусил щеку и сделал глоток вина.

– Я не знал, что она придет.

Эмма топнула ногой.

– Я же тебе говорила! Ты никогда не слушаешь!

– Я подумал, что, наверное, нам с тобой лучше поесть наедине, а Дэннер придет на десерт.

Эмма оттолкнула тарелку, не прикоснувшись к еде, сложила руки на груди и с безмолвным негодованием посмотрела на отца. Ему был знаком смысл этого взгляда: «Если ты не признаешь Дэннер, то я не признаю тебя».

Не желая портить вечер, Генри встал, достал еще одну тарелку и столовые приборы и поставил все это рядом с дочерью, где должна была сидеть ее гостья.

– Вино, папа. Дэннер пьет вино.

– Ну, разумеется. Она настоящий гурман.

Генри открыл шкаф, достал бокал и поставил на стол, радуясь хотя бы тому, что не нужно наполнять его. Сначала ему приходилось это делать. Тарелки с нетронутой едой отправлялись в мусор. В конце концов Тесс смогла убедить Эмму, что невидимой девочке нужна невидимая еда.

– Если она будет есть наши продукты, то они останутся на виду, – объяснила Тесс. – Разве не странно ходить невидимой, но с желудком, набитым фасолью и жеваной курицей?

Эмма клюнула на эту уловку. Генри поцеловал Тесс в кончик носа и наклонился к ней.

– Блестяще, – прошептал он ей на ухо.

– Дэннер говорит, что ей не нравится это слово.

– Какое слово, милая?

– Гурман. Она говорит, что это звучит напыщенно.

Эмма поставила свою тарелку перед собой и приступила к приему пищи.

– Я не хотел ее обижать, – сдержанно сказал Генри. Он пытался быть терпеливым, не огрызаться на девочку и не говорить, что он уже сыт по горло этим дерьмом.

«Когда я успел стать таким придурком?» – спросил он

себя. Генри вспомнил, как всего лишь несколько часов назад миновал поворот к хижине, расставшись с возможностью уничтожить любые улики, несмотря на свое обещание Тесс. Придурок и трус в придачу.

– Все в порядке. – Эмма подцепила кусочек ананаса, положила его в рот и начала жевать, временами поворачиваясь налево и смеясь над остроумными замечаниями Дэннер.

Каждый раз, когда Генри спрашивал свою дочь, откуда могла появиться Дэннер, он получал расплывчатые ответы.

– У нее должен быть свой дом, – сказал Генри.

– Она живет здесь, с нами.

– А что она делает, когда ее нет рядом с тобой?

Эмма улыбнулась.

– Она всегда рядом. Она всегда видит меня. Дэннер все видит.

После вопроса «Как ты умерла?» Генри решил удвоить усилия. Он слышал себя со стороны, словно полицейского из второсортного детектива:

– Как выглядит Дэннер?

Эмма принялась гонять рис по своей тарелке.

– Как я, только немножко по-другому.

– Она твоего возраста?

– Почти ровесница. Ее день рождения прямо перед моим.

Но она не задувает свечки на торте.

– Как думаешь, она однажды была настоящей девочкой?

Эмма раздраженно заворчала:

– Она *настоящая*, папа.

– Я хочу сказать, могут ли другие увидеть ее?

– Каждый может ее увидеть, если она захочет.

– Значит, она не хочет, чтобы мы видели ее? Я и мама?

– Пока еще нет.

Утром, когда Генри поделился с Тесс своими тревогами, она сказала, что он реагирует слишком остро. Эмма еще спала, а Тесс возилась на кухне.

– Она впечатлительная девочка, Генри. Единственный ребенок в семье, выдумавший себе подругу, – она отвернулась и начала молоть кофе. Генри подождал, пока шум прекратится, прежде чем продолжить.

– А как насчет разговоров о смерти? Разве это тебя не беспокоит?

Тесс засыпала молотый кофе в кофеварку и включила ее.

– Она маленькая девочка, которая пытается разобраться в окружающем мире. Ее хомяк сдох прошлой осенью. Ее дед скончался еще раньше. Она пропускает все это через себя. Перестань разыгрывать истерику. И ради бога, прекрати задавать ей эти бесконечные вопросы. Ты портишь ее игру.

Ничего себе игра.

Тесс снова отвернулась, чтобы достать из шкафчика чашки и блюдца.

– Так что я должен делать, когда она снова заговорит с Дэннер о ее смерти?

Тесс повернулась к нему с посудой в руках.

– Подыграй ей. Веришь или нет, но ты тоже когда-то был эксцентричным и изобретательным, Генри. Посмотри, не сможешь ли ты вернуть эти качества. Хотя бы ради Эммы.

Именно это и пытался делать Генри. Он следовал советам своей благоразумной жены, читающей книги по психологии, и старался подыграть дочери.

– Тогда я рад. Мне хочется, чтобы все было хорошо.

Наверное, Тесс права. Наверное, Дэннер – всего лишь продолжение Эммы, творческая попытка найти свое место в мире, где всегда можно с кем-то поговорить, подтвердить свои мысли и чувства.

Эмма отложила вилку в сторону.

– У Дэннер есть секрет.

– Вот как?

Дэннер и ее секреты. Она постоянно рассказывает Эмме о том, что ей нельзя раскрывать. Генри сделал еще один глоток вина, посмотрел на часы и подумал о том, как поздно вернется Тесс. Он представил, как она непринужденно войдет на кухню. Он страстно надеялся на это. У него задергалось веко. Это непроизвольное сокращение, которое каждый раз начиналось с щекочущего ощущения во внешней части правого глаза. Оно обычно предвещало головную боль.

– Она говорит, что я могу сказать. – Эмма вытерла рот салфеткой и аккуратно промокнула уголки, словно дама на чайной церемонии, озабоченная состоянием своей помады.

– Ну, и что это за секрет? – Очередной тик. Он потер глаз,

сдерживая себя.

– Она знает твою подругу.

– Какую подругу, детка?

– Ту даму, которая нарисовала Фрэнсиса, – ответила Эмма с невинным видом, словно маленькая девочка, которая только что попросила передать ей рис.

Генри со звяканьем отложил вилку и открыл рот, собираясь что-то сказать, но наружу вышли только пузырьки звука, и он снова оказался на дне воображаемого бассейна, не в силах кого-то спасти, – особенно самого себя.

Глава 11

Уезжая домой после встречи с Джулией, владелицей галереи «Золотое Яблоко», Тесс находилась в приподнятом настроении. На этой неделе Джулия продала три ее новых картины одной женщине, – по ее словам, искушенной ценительнице.

– Она хочет знать, интересуется ли тебя работа на заказ, – сказала Джулия и протянула сложенный листок бумаги. Развернув его, Тесс увидела имя «Клэр Новак» и номер мобильного телефона, выведенный аккуратным почерком.

– Она много расспрашивала о тебе, – продолжала Джулия. – О том, где ты училась и кто повлиял на твоё творчество.

Они вышли из офиса Джулии и стояли в хорошо освещенной белой галерее, где висела еще одна картина Тесс, – маргаритки в синей вазе, – вместе с эклектичной подборкой работ других художников: коллажей, натюрмортов, фотографий насекомых, пейзажей, нарисованных на старой керамической плитке, а также нескольких картин Джорджии Стейгер, которая делала похожие на гобелены портреты из фетра и пряжи. Джорджии было восемьдесят лет, и она пользовалась ходунками после операции на бедре прошлой осенью. Ее работы были лучшими в галерее, и она считалась наиболее успешной из местных художников; ее портреты были

выставлены в двух фольклорных музеях. Один местный режиссер даже снял документальный фильм о ее творчестве под названием «Переpleтенные жизни: искусство Джорджии Стейгер».

— Какая она, эта Клэр Новак? — поинтересовалась Тесс, изучавшая новый портрет Джорджии: старик в кресле-каталке, чье лицо из пряжи было искажено сердитой ухмылкой. Каждый раз, когда она смотрела на картины Джорджии, Тесс невольно задавалась вопросом, чем она сама будет заниматься в восемьдесят лет. Будет ли она по-прежнему заниматься живописью или опустит руки и наконец признает, что никогда не достигнет величия?

— Она... необычная, — с легкой запинкой ответила Джулия и улыбнулась.

Тесс не помнила, когда она в последний раз привлекала к себе интерес необычных людей. Впрочем, она могла вспомнить, но это было давно. Еще в колледже. Сейчас не стоило думать и даже говорить об этом. Она должна жить настоящим, здесь и сейчас. Отвернувшись от портрета Джорджии, она положила листок с номером Клэр Новак в нагрудный карман своей льняной рубашки, где тот немного расправился, словно крылья бабочки у нее над сердцем.

Тесс нащупала в кармане телефонный номер Клэр Новак, нажала на газ и прибавила скорость. Раскрашенный фанерный цыпленок перед куриной фермой «Семь Мостов» сиял

в последних лучах заката и как будто двигался вместе с изменением света, едва различимо подступая к дороге.

Тесс решила, что позвонит Клэр, когда вернется домой. А может быть, завтра. Ей не хотелось выглядеть слишком настойчивой. Пока она ехала, то думала, как будет отвечать на вопросы о своем образовании и художественных влияниях. Но главное, она думала о том, что придется оставить за скобками.

Тесс четыре года обучалась искусствоведению в Секстоне, небольшом и либеральном художественном колледже в центре Вермонта, в общежитии которого даже в лучшие времена проживало не более двухсот студентов. На самом деле, «общежития» были коттеджами с кухней, гостиной и камином. Там имелся коттедж для нудистов, коттедж для вегетарианцев, коттеджи для женщин, коттеджи для непьющих и некурящих и, разумеется, коттеджи для пьющих и курящих.

На третьем курсе появилась Сюзи. В первый раз Тесс увидела ее стоявшей в очереди на завтрак в кафетерии; она взяла только кофе и высыпала туда восемь пакетиков сахара. Она была высокой девушкой с прямыми светлыми волосами и янтарными глазами, носившая черные легинсы, армейские ботсы на высокой шнуровке и свободную шелковую блузу землистого оттенка.

– Она перевелась из Беннингтона, – сказала одна из девушек, сидевших за столом Тесс.

– Зачем кому-то понадобилось переходить из Беннингто-

на в Секстон? – спросила другая девушка.

– Ее выперли, – ответила первая девушка. – Она устроила пожар в общежитии и заявила, что это вышло случайно.

– Нет, не поэтому, – возразила третья девушка по имени Ди, чье лицо было обильно украшено пирсингом. Ее приятель Лукас был на заседании приемной комиссии, так что Тесс думала, что она должна знать. – Ее исключили за маленькую шалость. Она выкрасила дом декана черной краской, прямо вместе с окнами. Сделала это ночью, пока все спали.

– Впечатляюще, – сказала первая девушка.

– Да, – согласилась вторая. – Если бы она сделала это здесь, то, наверное, получила бы грант на независимое исследование!

Они со смехом смотрели, как Сьюзи выносит свой кофе наружу, где она уселась на траве, достала пластиковую упаковку табака «Драм» и свернула себе сигарету.

Сьюзи вместе с Тесс ходила на занятия в скульптурной студии и провела первые два месяца на улице, где она сооружала пятнадцатифутового мужчину из веток и деревянных планок. Она пользовалась бензопилой для резки дерева и работала на стремянке. В качестве завершающего штриха она приделала несоразмерно огромный эрегированный пенис, который вывел великана из равновесия и заставил его немного наклониться вперед. Статуя явно понравилась Джону Берусси, их преподавателю по скульптуре.

– Это все, к чему вы должны стремиться, – заявила она, потрясая руками. – Посмотрите на очертания! Какая симметрия! Народ, вы должны это оценить!

– Ты назвала бы это примитивным модерном? – поинтересовался Спенсер Стайлс. Узкое лицо придавало ему сходство с хорьком, и он носил черную одежду, великоватую для него. Его семья была очень богата, а Спенсер изображал из себя молодого бунтовщика с гардеробом из Армии спасения. Карманы его тренча были набиты сборниками поэзии и томиками экзистенциальных философов. Он постоянно старался произвести впечатление на Берусси, чтобы говорить с ним, как художник с художником.

Сьюзи покачала головой.

– Я не вдаюсь в классификации. Художника нельзя запечатывать в коробке.

Подруга Спенсера Вэл (которая впоследствии стала Уинни) только улыбнулась. Она была тощей девицей, которая одевалась как хиппи; длинные, неухоженные темные волосы закрывали половину ее лица. Вэл никогда не говорила на занятиях, но заметно кривилась, когда Спенсер открывал рот, как будто знала, что он поставит себя в неловкое положение.

Берусси, громадный мужчина пятидесяти с чем-то лет с буйной седой шевелюрой и бородой (и то, и другое было перехвачено резинками для волос), сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.